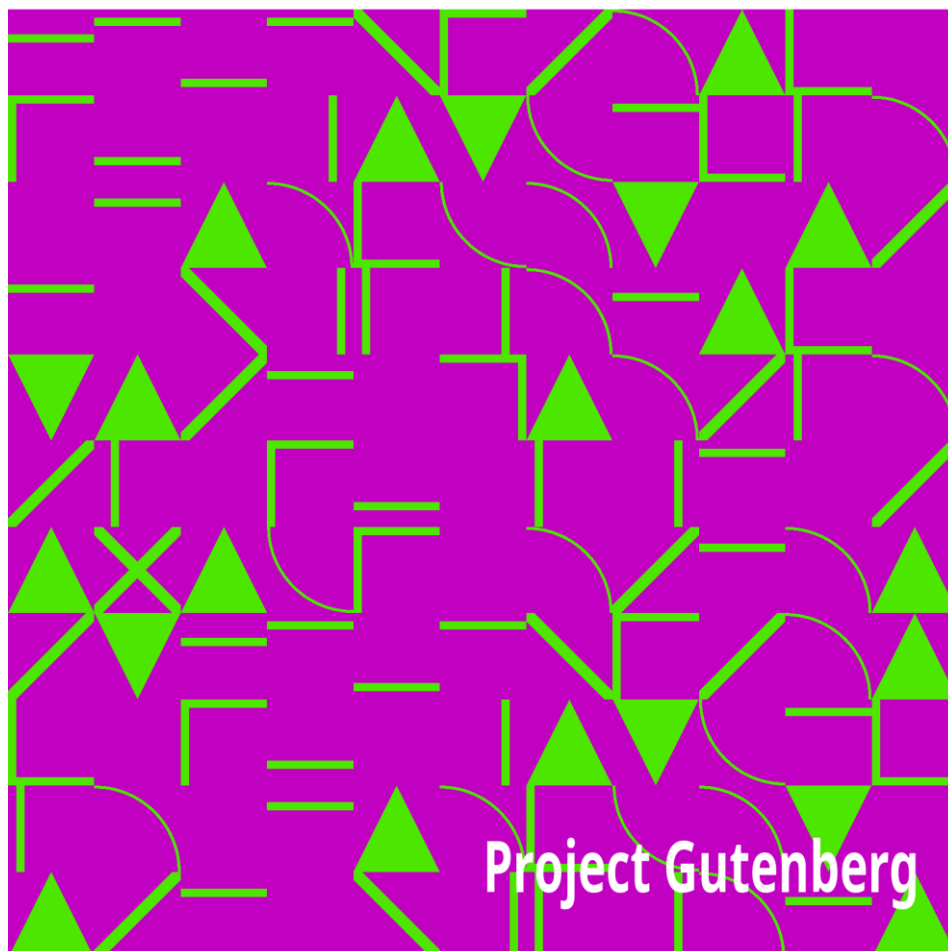

Церемониал Хаджелти Дайлис и мифическая роспись на песке индейцев навахо

Джеймс Стивенсон

Ceremonial of Hasjelti Dailjis and Mythical Sand Painting of the Navajo Indians

James Stevenson

Электронная книга проекта "Гутенберг" Церемониал Хаджелти Дайлис и мифическая роспись на песке индейцев навахо

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Церемониал Хасджелти Дайлис и мифическая роспись на песке индейцев навахо

Автор: Джеймс Стивенсон

Дата выхода: 20 сентября 2006 г. [Электронная книга № 19331]
Последнее обновление: 26 июня 2020 г.

Язык: Английский

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЦЕРЕМОНИАЛ ХАСДЖЕЛТИ ДАЙЛИС
" И МИФИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО ПЕСКОМ ***

Церемониал ежедневных хасджелти и мифическая роспись песком индейцев навахо

Джеймс Стивенсон

Издание 1, (сентябрь 2006 г.)

Содержание

- Введение.
- СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕЧЕБНИЦЫ.
- ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.
- ОЛИЦЕТВОРИТЕЛИ БОГОВ.
- ВТОРОЙ ДЕНЬ.
- ОПИСАНИЕ ПАРИЛОК.
- ПАРИЛКИ И МАСКИ.
- ПРИГОТОВЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ТРОСТНИКА (СИГАРЕТЫ) И МОЛИТВЕННЫХ ПАЛОЧЕК.
- ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

- ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ЧЕТВЕРТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.
 - ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ЧЕТВЕРТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ПЯТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ШЕСТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ПЯТЫЙ ДЕНЬ.
 - ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ШЕСТОЙ ДЕНЬ.
 - СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.
 - ВОСЬМОЙ ДЕНЬ.
 - ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.
 - ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.
 - ПЕСНЬ ОБ ЭЦЕТЛЕ.
 - МОЛИТВА ЭЦЕФАЛУ.
 - ЗАКЛЮЧЕНИЕ - ТАНЕЦ.
 - МИФЫ ПЛЕМЕНИ навахо.
 - СОТВОРЕНИЕ СОЛНЦА.
 - ХАСДЖЕЛТИ И ХОСТДЖОГОН.
 - ПЛАВАЮЩИЕ БРЕВНА.
 - НАИЕНЕСГОНИ И ТОБАИДИЩИННИ.
 - БРАТЬЯ.
 - СТАРИК И ЖЕНЩИНА ИЗ ПЕРВОГО МИРА.
-

Иллюстрации

- РИС. 115. Внешний домик.
- РИС. 116. Внутренний дворик.
- РИС. 117. Игровое кольцо.
- РИС. 118. Парилка.

- РИСУНОК CXII. А, Радуга над восточной парилкой; Б, радуга над западной парилкой
- ТАБЛИЧКА CXIII. Плед и тюбики с лекарствами
- ФОТО CXIV. Плед и тюбики с лекарствами
- ТАБЛИЧКА CXV. Маски: 1, Найенесен; 2, 3, Тобайдишинне; 4, 5, Хасьелти; 6, Хостджогон; 7, Хостджобокон; 8, Хостджоборд
- ФОТО CXVI. Плед и тюбики с лекарствами
- РИСУНОК CXVII. 1, Сосновые ветви на песчаном ложе; 2, корзина апачей, содержащая пену из юкки, покрытую пылью кукурузы; 3, Корзина с водной поверхностью, покрытая сосновыми иголками
- ФОТО CXVIII. Покрывало, тюбики с лекарствами и палочки
- ТАБЛИЧКА CXIX. Плед и тюбик с лекарством
- ТАБЛИЧКА CXX. Первая картина песком
- РИСУНОК CXXI. Вторая картина песком
- РИСУНОК CXXII. Третья картина песком
- РИСУНОК CXXIII. Четвертая картина песком

Введение.

Во время моего визита на Юго-запад летом 1885 года мне посчастливилось прибыть в резервацию навахо за несколько дней до начала церемонии исцеления навахо. Узнав о подготовке к этому, я решил остаться и понаблюдать за церемонией, которая должна была продолжаться девять дней и ночей. Мероприятие собрало около 1200 навахо. Местом проведения собрания было обширное плато на окраине каньона Ким, штат Аризона.

Это великое событие сопровождалось множеством необычных и интересных событий — мифологическими обрядами, азартными играми, конными и пешими скачками, всеобщим весельем и исцелением больных, последнее было главной причиной собрания. Известному человеку в племени грозила потеря зрения из-за воспаления глаз, поскольку он смотрел на определенные маски с нерелигиозным сердцем. Он был богат и имел много состоятельных родственников, отсюда и сложность церемонии исцеления. К совершению обряда пригласили знаменитого теурга, но он сильно встревожился, когда стало известно, что его жена беременна. Среди навахо преобладает суеверие, согласно которому мужчина не должен смотреть на рисунок на песке, когда его жена находится на стадии беременности, так как это может привести к гибели ребенка. Этот знахарь, однако, пришел, чувствуя, что обладает достаточной внутренней силой, чтобы предотвратить такое бедствие, дав ребенку сразу после его рождения разведенную в воде смесь всех песков, использованных на картине. Поскольку я уделил изучению мифологии навахо очень мало времени, я могу лишь вкратце упомянуть о тех событиях, свидетелем которых я был, и записать мифы лишь в той мере, в какой мне удалось собрать их наспех. Сначала я опишу церемонию Йебитчай, а затем приведу мифы (некоторые полные, другие неполные), объясняющие богов и гениев, фигурирующих в Хасджелти Дайлис (танце Хасджелти) и в девятидневном церемониале, а затем другие, независимые от них. Эта

церемония фамильярно называется в племени "Йебичай", что означает дядю великана. Первоначально это название было дано церемониалу, чтобы внушить благоговейный трепет детям, которые на восьмой день церемонии посвящаются в некоторые из ее тайн, а затем впервые узнают, что персонажи, появляющиеся на церемонии, не настоящие боги, а всего лишь их представители. Есть веские основания полагать, что их идеи относительно рисунков на песке были почерпнуты у племен пуэбло, которые в прошлом создавали рисунки на песке и чья работа в настоящее время в связи с большинством их медицинских церемоний носит далеко не обычный характер. Индейцы-миссионеры южной Калифорнии также считают рисунки на песке одной из важных особенностей своей медицинской практики. Хотя фигуры мифических существ, представленных навахо, без сомнения, созданы по их собственному замыслу, я обнаружил, что все их медицинские пробирки и подношения были похожи на те, которыми пользовались зуни. Их присутствие среди навахо можно легко объяснить хорошо известным фактом, что среди индейцев разных племен существовал обычай обмениваться лекарственными песнями, церемониями и сопутствующими им атрибутами. Зуни и тусаян утверждают, что навахо получили секреты медицины пуэбло, вторгшись в их церемонии или захватив пуэбло, и что они присваивали все, что им нравилось.

РИС. 115. Внешний домик.

Мое объяснение описанного церемониала основано на авторитете священника-врача, который руководил всем этим делом и оставался со мной пять дней после церемонии с этой особой целью. Потребовалось немало уговоров, чтобы убедить его остаться, хотя он больше всего беспокоился о том, чтобы мы не допустили ошибки. Он сказал:

Моя жена может страдать, и я должен быть рядом с ней; глаза отца должны быть первыми, кто смотрит на своего ребенка; это подобно солнечному свету в сердце отца; отец также наблюдает за своим малышом, чтобы увидеть первые признаки понимания, и наблюдает за первыми шагами своего ребенка, это тоже яркий свет в сердце отца, но когда малыш падает, это сильно ударяет по сердцу отца.

Особенности этого церемониала, которые больше всего удивляют белого зрителя, - это его большая проработанность, количество участников и многодневная продолжительность с целью восстановления здоровья одного члена племени.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕЧЕБНИЦЫ.

На земле был размечен прямоугольный параллелограмм, и в каждом углу был прочно установлен раздвоенный столб, возвышающийся на 10 футов над поверхностью, и на них были уложены 4 горизонтальные балки, на которые опирались толстые шесты, установленные под углом около 20° , в то время как другие шесты были размещены горизонтально поперек балок, образуя опору для покрытия. Столбы по бокам были установлены скорее в форме овала, чем круга, и образовывали внутреннее пространство примерно 35 на 30 футов в диаметре. С восточной стороны вигвама был вход, подпертый кольями и закрытый шкурой буйвола, а затем все сооружение было густо засыпано сначала ветками, затем песком, придавая ему вид небольшого земляного холмика.

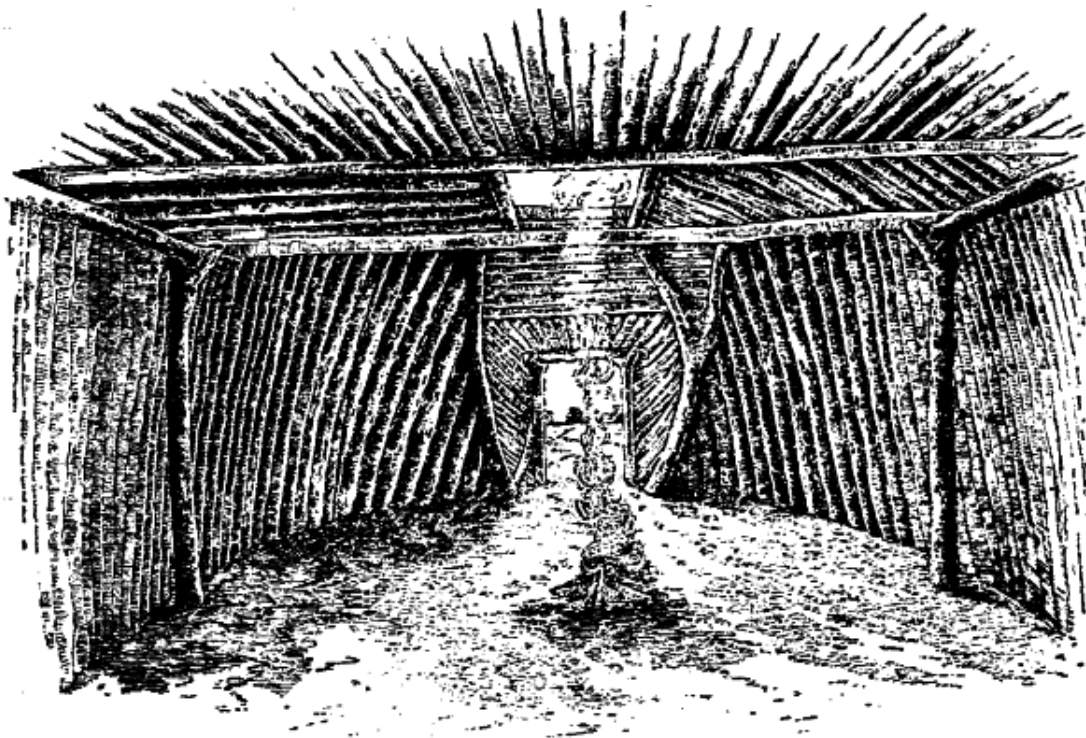

РИС. 116. Внутренний дворик.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

ОЛИЦЕТВОРИТЕЛИ БОГОВ.

Теург, или певчий священник, прибыл в полдень 12 октября 1885 года. Почти сразу после его прибытия мы смело вошли в домик целителя в сопровождении нашего переводчика, навахо Джона, и изложили свое дело. Условие знахаря состояло в том, что мы не должны допускать ошибок и тем самым оскорблять богов, а чтобы избежать ошибок, мы должны услышать все его песни и увидеть все его лекарства, и он сразу же приказал нескольким юношам подготовить место для нашей палатки рядом с вигвамом. Во второй половине дня 12-го числа те, кто должен был принять участие в церемонии, получили приказы и инструкции от жреца-песенника. Один человек пошел собирать ветки, из которых можно было сделать двенадцать колец, каждое диаметром 6 дюймов. Эти кольца представляли собой игровые кольца, которые используются не только навахо, но и высоко ценятся гениями скал. (См. рис. 117.) Другой человек собрал ивы, чтобы сделать эмблему сосредоточения четырех ветров. Квадрат был сделан из скрещенных одетых ив, выступающих по углам на дюйм дальше друг от друга. Углы были перевязаны белым хлопчатобумажным шнуром, и каждый угол был украшен нижним оперением орла. Эти предметы были положены в нишу позади теурга, чье постоянное место находилось на западной стороне ложи, обращенной на восток. Ночная церемония началась вскоре после наступления темноты. Все, кто должен был участвовать, были ближайшими друзьями и родственниками инвалида, за исключением теурга или певчего жреца, который был единственным, кто получил прямую компенсацию за свои профессиональные услуги. Стоимость такой церемонии - немалая статья расходов. Должен быть выплачен не только непомерно высокий гонорар теургу, но и все собрание должно быть накормлено в течение девятидневной церемонии за счет больного, которому помогают его ближайшие родственники.

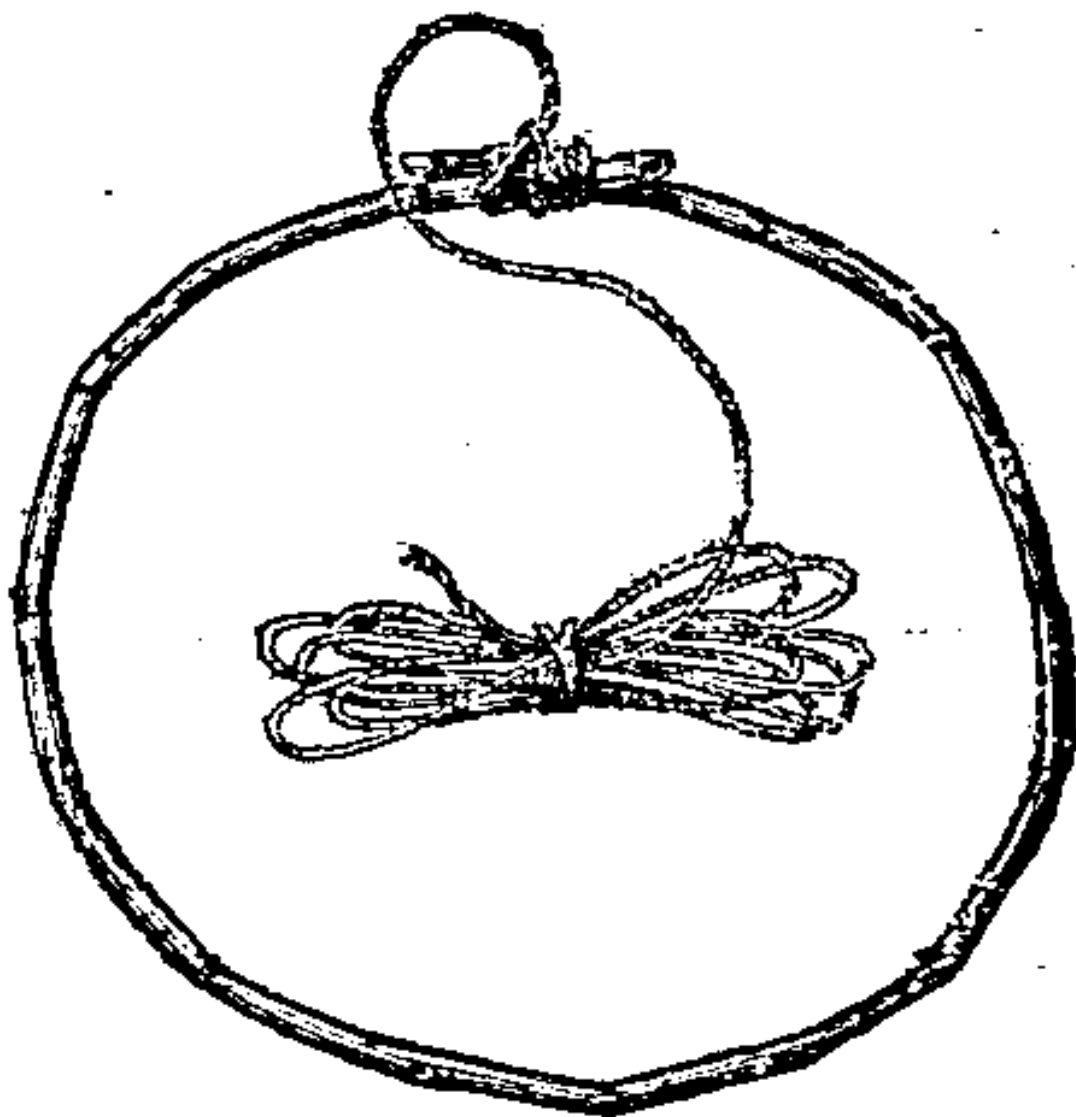

РИС. 117. Игровое кольцо.

В сторожке ярко горел огонь, и вскоре после наступления темноты появился больной и сел на одеяло, которое было расстелено перед певчим священником. Однако ранее трое мужчин приготовились олицетворять богов — Хасджелти, Хостджогона и Хостдjobокон — и один - олицетворять богиню Хостдjobоард. Они вышли из сторожки, держа в руках свои маски, отошли на небольшое расстояние и надели их. Затем Хасджелти и Хостжогон вернулись в сторожку, и Хасджелти под крики: "ху-ху-ху-ху!" - поднял квадрат, который нес, над головой инвалида, а Хостжогон потряс двумя палочками в виде орла, по одной в каждой руке, с каждой стороны головы и тела инвалида, затем над его головой, при этом по-своему ухая: "ху-у-у-у-у-у!" Затем он последовал за Хасджелти из ложи. Мужчины, представляющие Hostjobokon и Hostjoboard, входили поочередно. Хостдjobокон взял одно из колец, изготовленных днем и теперь лежавших на одеяле справа от больного, и приложил его к подошвам ног больного, который сидел, подтянув колени, а затем к его коленям, ладоням, груди, каждой лопатке и макушке головы; затем ко рту. При касании различных частей тела кольцо держали обеими руками, но когда его подносили ко рту инвалида, его брали в левую руку. Кольцо было сделано

из тростника, концы которого были закреплены длинной бечевкой, обернутой вокруг кольца наподобие удавки. Когда кольцо надевали на рот инвалида, натягивали бечевку, кольцо выпадало и выкатывалось из домика в виде длинного хвоста из белой хлопчатобумажной пряжи с прикрепленным к концу орлиным пером, тянувшегося далеко позади. Хослгобоард повторил эту церемонию со вторым кольцом, и то же самое сделали Hostjobokon и Hostjoboard поочередно, пока не были утилизированы двенадцать колец. Впоследствии три кольца были отнесены на восток, три - на юг, три - на запад и три - на север и помещены у подножия деревьев пиньон. Кольца надевались на рот инвалида, чтобы придать ему сил, заставить его говорить одним языком и иметь хороший ум и сердце. К другим частям тела прикасались ими для физической пользы. Когда все кольца были выкатаны из ложи, вошел Хасджелти, за ним Хостджогон. Во время криков он четыре раза провел квадратом (концентрированными ветрами) над головой инвалида. Затем Хостджогон взмахнул своими индюшачьими палочками над головой и телом инвалида, и церемония первого дня подошла к концу.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

ОПИСАНИЕ ПАРИЛОК.

Строительство первой парилки, или тачи, началось на рассвете. Четыре из этих домов были построены четыре утра подряд, каждый из них располагался примерно в 400 футах от великой центральной лечебной ложи, по направлению к четырем сторонам света, и все они были обращены на восток. Первая построенная была к востоку от ложи. Описание конструкции именно этой ложи даст ответ за всех, но церемонии различаются в деталях.

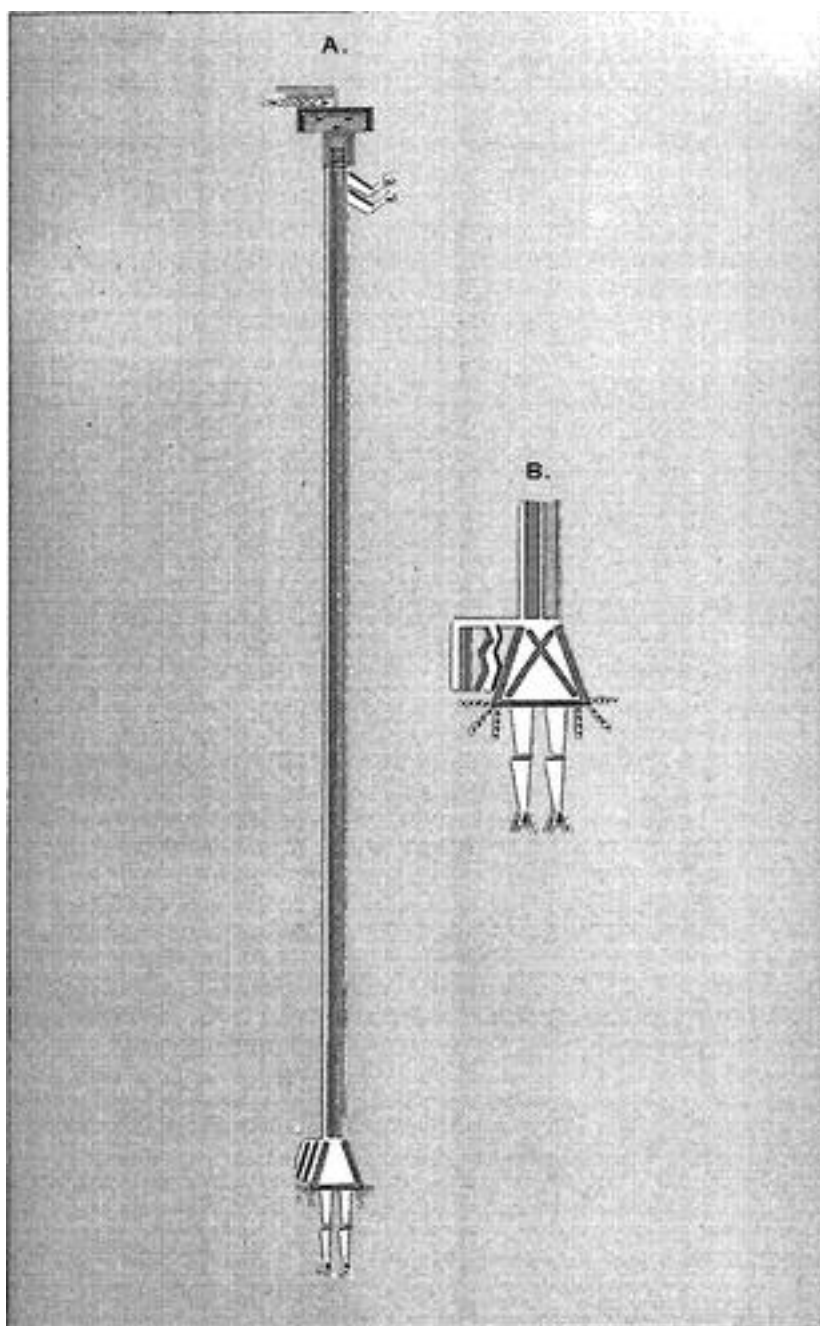
Четыре вертикальных столба, раздвоенные на верхних концах, были установлены по четырем сторонам света в пределах участка, обозначенного как основание дома, раздвоенные концы упирались друг в друга, при этом сначала была сделана круглая выемка диаметром около 6 футов и глубиной 1 фут. Между стойками были уложены жерди поменьше; на жерди в качестве соломенной крыши были уложены ветки пиньона, шалфея и *Bigelovia Douglasii* (разновидность кисти шалфея); все это было уложено достаточно плотно, чтобы предотвратить просеивание песка, насыпанного сверху. Дверной проем на восточной стороне дома был примерно 2-1 / 2 фута в высоту и 20 дюймов в ширину. Тщательно отполированные палочки (такие же, как те, что используются при плетении одеял) использовались для придания гладкости песчаному покрытию сооружения. Парилки на востоке и западе были разрисованы радугой. Те, что располагались на севере и юге, были лишены такого украшения, потому что певчий жрец редко завершает свое врачевание одним церемониалом; и он предпочел опустить песни, которые потребовались бы, если бы лук украшал северную и южную парилки. Под руководством священника парилки, который получил наставления от певчего священника, трое молодых людей нарисовали радугу: один - голову и тело, другой - юбку и ноги, а третий - бант. Голова этой богини была обращена на север, лук простирался над сооружением. Используемые краски были сделаны из измельченных пигментов, нанесенных большим и указательным пальцами. Всякий раз, когда из кусочков коры, служивших стаканчиками для краски, брали щепотку сухой краски, художник дышал на руку, прежде чем разбрызгать краску. Это, однако, не имело

религиозного значения, а заключалось всего лишь в том, чтобы очистить палец от лишнего песка. Цвета, использованные в отделке, были желтыми, красными и белыми из песчаника, черными из древесного угля и серовато-голубыми, образованными из белого песка и древесного угля с очень небольшим количеством желтого и красного песка. (См. рис. 118.) Певчий священник внимательно наблюдал за декораторами.

РИС. 118. Парилка.

По завершении радуги певчий жрец вернулся в домик целителей, но вскоре появился снова, неся корзину с двенадцатью палочками из индейки, и расставил их у основания парилки на полке с едой, которую он предварительно насыпал. Примерно в 20 футах от дома горел костер, в котором нагревались камни. Эти камни были помещены в парилку с южной стороны, а на них была брошена охапка белого шалфея и *Bigelovia Douglasii*. Рядом с камнями было положено несколько сосновых веток, на которые мог сесть инвалид. Затем вход в парилку был завешен черно-белым полосатым одеялом, на которое были положены друг на друга две большие козонины из оленьей кожи, а поверх них двойной кусок белого хлопка. Оленья шкура символизировала дневной свет, или сумерки, которые наступают на рассвете. Инвалид, для которого проводилась эта церемония, снял всю свою одежду, кроме набедренной повязки, и сел снаружи у входа в парилку под шум погремушек и песен, причем теург был единственным, у кого была погремушка. Инвалид вошел в помещение ногами вперед, для этой цели было поднято покрытие парилки. Войдя в нее, он избавился от набедренной повязки, и покрывало было немедленно сброшено. Песня продолжалась 5 минут, когда все на мгновение остановилось, а затем возобновилось.

РАДУГА НАД ПАРИЛКОЙ.

Во время исполнения песни теург смешал различные травы в тыкве, которую залил водой. После примерно двадцатиминутного пения он подошел ко входу в дом, прихватив с собой тыквенный сосуд с лекарством, и, вылив немного его содержимого на нагретые камни, сел на свое место и присоединился к пению. Еще через двадцать минут появились Хасджелти и Хостджогон. Одеяло индейцев навахо было предварительно расстелено на земле с южной стороны входа. Хасджелти снял покрывало со входа, и пациент, предварительно надев набедренную повязку, вышел и сел на одеяло. Хасджелти протер больного рогом горного барана, который держал в левой руке, а в правой - куском шкуры около 10 дюймов длиной и

4 шириной, извлеченной из промежутка между глазами барана. Шкуру прижимали плашмя к ладони, и таким образом бог потирал грудь больного, в то время как тот потирал рогом его спину, время от времени чередуя руки. Hostjoghon подвергает инвалида той же манипуляции. Затем боги четыре раза напоили его из тыквенной тыквы, содержащей целебную воду, состоящую из мелко нарезанных трав и воды, предварительно сделав глоток смеси. Подошвы ног, ладони, грудь, спина, плечи и макушка больного были обрызганы лечебной водой, и боги внезапно исчезли. Пациент встал, умылся остатками лечебной воды и надел свою одежду. Покрывала для входа, которые были подарками певчему жрецу от инвалида, были собраны певческим жрецом и отнесены служителем в домик целителя. Служитель стер радугу, проведя рукой от ступней к голове, увлекая за собой песок, который собрали в одеяло, отнесли на север и положили у подножия дерева пиньон. Певчий жрец положил волшебные палочки в корзину и таким образом, предшествуемый инвалидом, отнес их обеими руками в домик целителя, напевая тихую песнь. Парилка не была снесена небрежно, ее снесли в соответствии с предписанной формой. Четверо мужчин встали по бокам, по сторонам света, и обеими руками соскребли песок с сучьев. Когда все это было убрано, ветви были аккуратно собраны и перенесены к дереву пиньон на расстоянии примерно 50 футов и закреплены горизонтально на его ветвях примерно в 2 футах над землей. Нагретые камни из внутренней части парилки были уложены на сучья; вертикальные бревна, из которых состоял каркас дома, были отнесены к дереву пиньон, в нескольких футах от дерева, в которое были помещены сучья и нагретые камни, и уложены крест-накрест на дереве, и на эти бревна была посыпана кукурузная мука, а на муку положен тюбик с лекарством (сигарета). Трубка была около 2 дюймов в длину и трети дюйма в диаметре, и в ней находился шарик, состоящий из пуха нескольких разновидностей мелких птиц, священного табака и кукурузной пыли. Это было подношение Хасьелти. На трубочку посыпали муку. Земля, на которой стоял дом, была разровнена, пепел от костра тщательно сметен, и таким образом все следы церемонии были удалены. Войдя в домик, инвалид занял свое место на западной стороне, лицом к востоку. Певчий священник продолжил свое пение. Он достал из мешка с мукой какую-то священную муку и приложил ее к подошвам ног больного, а также к его ладоням, коленям, груди, спине, плечам и голове. По окончании этой церемонии все отдыхали в течение часа или более. Чаши из коры, в которых содержался цветной песок для украшения, были поставлены в домике целителей к северу от двери.

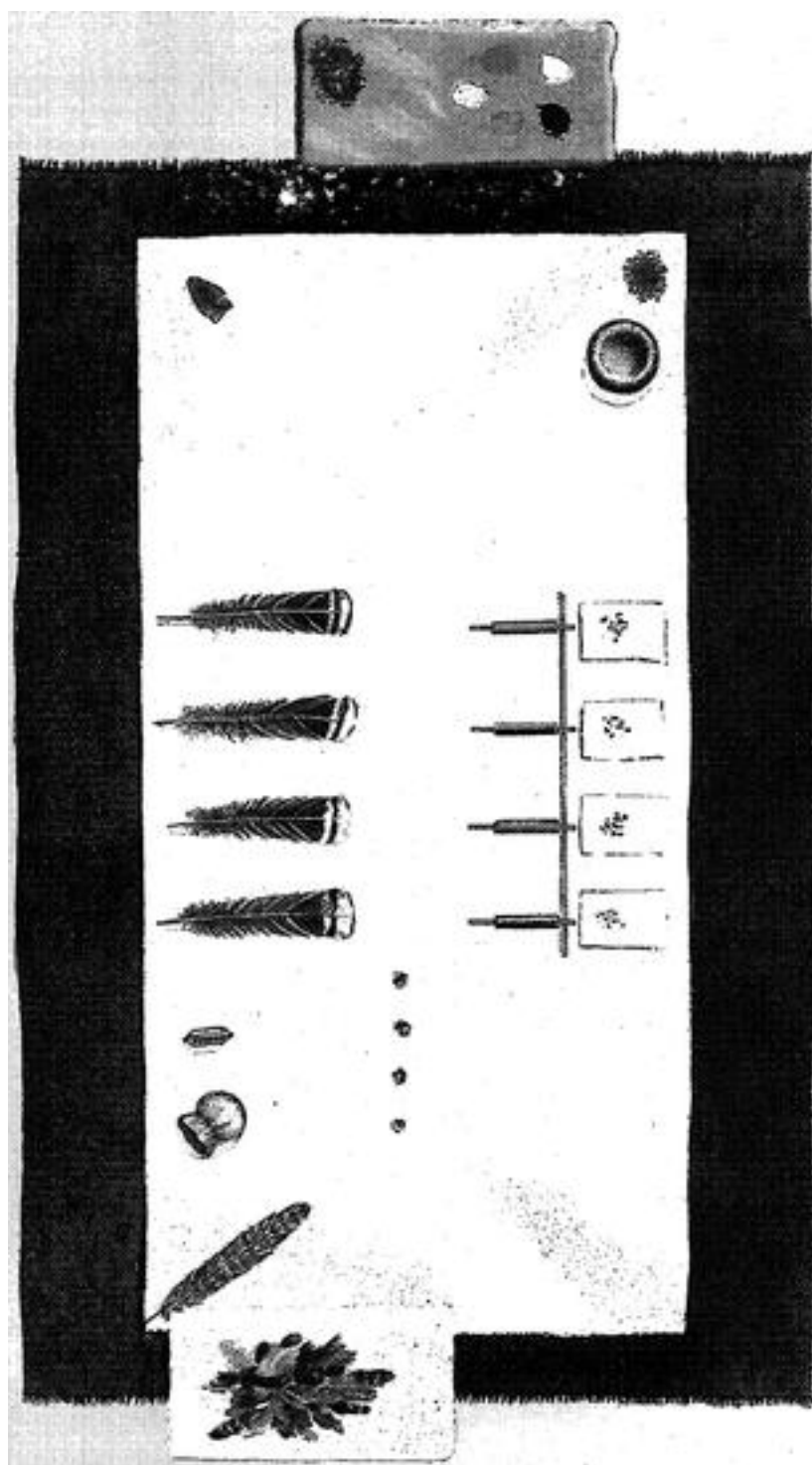
ПАРИЛКИ И МАСКИ.

Оленьи шкуры, которые висят над входом в парилки (для каждой парилки используется своя шкура), должны быть сняты с животных, которые были убиты путем удушения. Оленя загоняют и привязывают веревками или иным способом. Затем оленю кладут в рот кукурузную пыльцу, а руки зажимают рот и ноздри до тех пор, пока жизнь не угаснет. Когда животное укладывают на спину, кукурузной пыльцой проводят линию над пастью, вниз по груди и животу к хвосту. Затем проводится линия от правого копыта к правой передней ноге до линии груди. То же самое проделывается на левой передней ноге и двух задних ногах. Затем нож проводят по этой линии, и с оленя снимают кожу. Шкуры, добытые таким способом, стоят у навахо 50 долларов каждая. Маски изготавливаются из шкур, подготовленных таким же образом. Если сшить из шкур подстреленного оленя, то владелец умрет от лихорадки.

Оленья шкура над входом в восточную парилку обозначает рассвет; над южной - красный цвет утра; над западной - закат; над северной - ночь.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ТРОСТНИКА (СИГАРЕТЫ) И МОЛИТВЕННЫХ ПАЛОЧЕК.

Перед полуднем перед певчим были расстелены одна на другую две овечьи шкуры. На них было постелено одеяло, а на одеяло - кусочки ваты. Эти коврики простирались на север и юг. Затем теург достал большую аптечку, из которой была выбрана тростинка. Тростинку натирали полировальным камнем, или, точнее говоря, полировальный камень натирали тростинкой, так как тростинку держали в правой руке и терли о камень, который держали в левой. Затем его натирали мелко измельченным местным табаком, а затем разделяли на четыре части, длина каждой из которых была равна ширине первых трех пальцев. Тростинки были срезаны каменным ножом длиной примерно 3-1 / 2 дюйма. Затем служитель покрасил трубки. Первую тростинку покрасили в синий цвет, вторую - в черный, третью - в синий, а четвертую - в черный. Через все это были пропущены тонкие палочки юкки, которые служили ручками при покраске тюбиков, а также поддерживали тюбики во время высыхания краски. Служитель, срезавший тростник, сидел слева от певчего лицом на восток; камень с красками был помещен к северу от ковра; а на край камня рядом с собой тростниковщик насыпал немного мелко измельченного табака. При обрезке тростника иногда немного откололось; эти обрезки были положены рядом с табаком на северо-восточном конце коврика.

Служитель, который красил тростинки, сидел лицом к западу; и по мере того, как каждая тростинка окрашивалась, ее клали на ковер, а конец юбки насаживали на тонкую палочку, идущую горизонтально. Первая нарисованная тростинка была положена на север. На каждой синей тростинке были нанесены три точки, изображающие глаза и рот; две линии окружали черные тростинки. Четыре куса грязной хлопчатобумажной ткани были разложены в ряд на восточной стороне ковра. Трое слуг под руководством певчего жреца достали из аптечки первые два пера арктической синей птицы (*Sialia arctica*), которые он положил к западу от куска ткани, лежащего на северном конце коврика; он положил еще два таких же пера под вторым

куском ткани; два под третьим и два под четвертым, их кончики были направлены на восток. Затем на каждое из этих перьев он поместил подхвостовое перо орла. Первое было положено на два пера в северном конце ковра; снова на каждую стопку было положено нижнее хвостовое перо индейки, начиная с северного. Затем на каждый из них был наложен волосок из бороды индейки, и к каждому была прикреплена нитка хлопчатобумажной пряжи. Во время расстановки перьев декоратор тюбика сначала выбрал четыре кусочка черных архаичных бусин, поместив по кусочку на каждый кусочек ткани; затем на ткани были разложены четыре крошечных кусочка белых ракушечных бусин; затем четыре кусочка раковины морского ушка и четыре кусочка бирюзы.

Раскладывая бусины, он также начал с северного конца ковра. Пожилой служитель под руководством певчего жреца выщипал пуховые перья у нескольких колибри, смешал их вместе в четыре маленьких шарика диаметром в четверть дюйма и разложил их в ряд, идущий на север и юг, а также к югу от линии куч перьев. Он посыпал немного кукурузной пыльцы на каждый шарик; затем он поместил под шарики то, что индейцы навахо называют пером ночной совы, так, чтобы его кончик был направлен на северо-восток. (См. Рис. CXIII). Затем молодой человек, стоящий лицом на запад, насыпал разноцветный тростник, начиная с того, что на северном конце. Сначала он положил в полую тростинку один из шариков из перьев, вдавив его в тростинку кончиком пера ночной совы. (Перо ночной совы всегда используется для набивки тростника после созревания кукурузы, чтобы обеспечить теплую зиму; весной вместо него используется перо чапарального петуха *Geococcyx californianus*, приносящего дождь). Затем туда положили немного местного табака. Когда тростинка была закончена, ее передали декоратору, который поставил перед собой крошечную глиняную чашу с водой, кристалл и маленький мешочек с кукурузной пылью. Подставив кристалл солнечному лучу, проникавшему через отверстие для костра в крыше, он таким образом зажег сигареты, которые должны были быть предложены богам. Указательный палец опускали в миску с водой, а затем в кукурузную пыльцу, и пыльцу, прилипшую к пальцу, помещали в верхнюю часть пробирки. После того, как четыре пробирки были готовы, их поместили на кусочки ткани, однако не раньше, чем на бусинки, лежащие на ткани, было посыпано немного пыльцы. Пыльцевой конец трубки был направлен на восток. Затем на трубки были уложены четыре пучка перьев. Певчий священник свернул каждую ткань и, держа четыре свертка обеими руками, положил их горизонтально на подошвы ног, колени, ладони, грудь, спину, плечи, голову и поперек рта больного, и больной вздохнул, когда сверток коснулся его губ. Он сел к северу от ковра лицом на восток. Затем больной человек получал свертки от певчего жреца и держал их так, чтобы концы выступали из-под больших и указательных пальцев, и повторял молитву вслед за теургом, который сидел лицом к больному. Молитва звучала так:

Люди гор и скал, я слышал, вы хотите, чтобы вам заплатили. Я даю вам пищу из кукурузной пыльцы и перьев колибри, и я посылаю вам драгоценные камни и табак, который вы должны курить; он был зажжен солнечными лучами, и за это я прошу вас подарить мне хороший танец; будьте со мной. Земля, я прошу тебя подарить мне хороший танец, и я предлагаю тебе пищу из перьев колибри и драгоценных камней, а также табак для курения, освещенный солнечными лучами, в качестве платы за использование тебя для танца; сделай для меня хорошую твердую почву, чтобы боги, пришедшие посмотреть на танец, были довольны землей, на которой танцует их народ; сделай мой народ здоровым и сильным духом и телом.

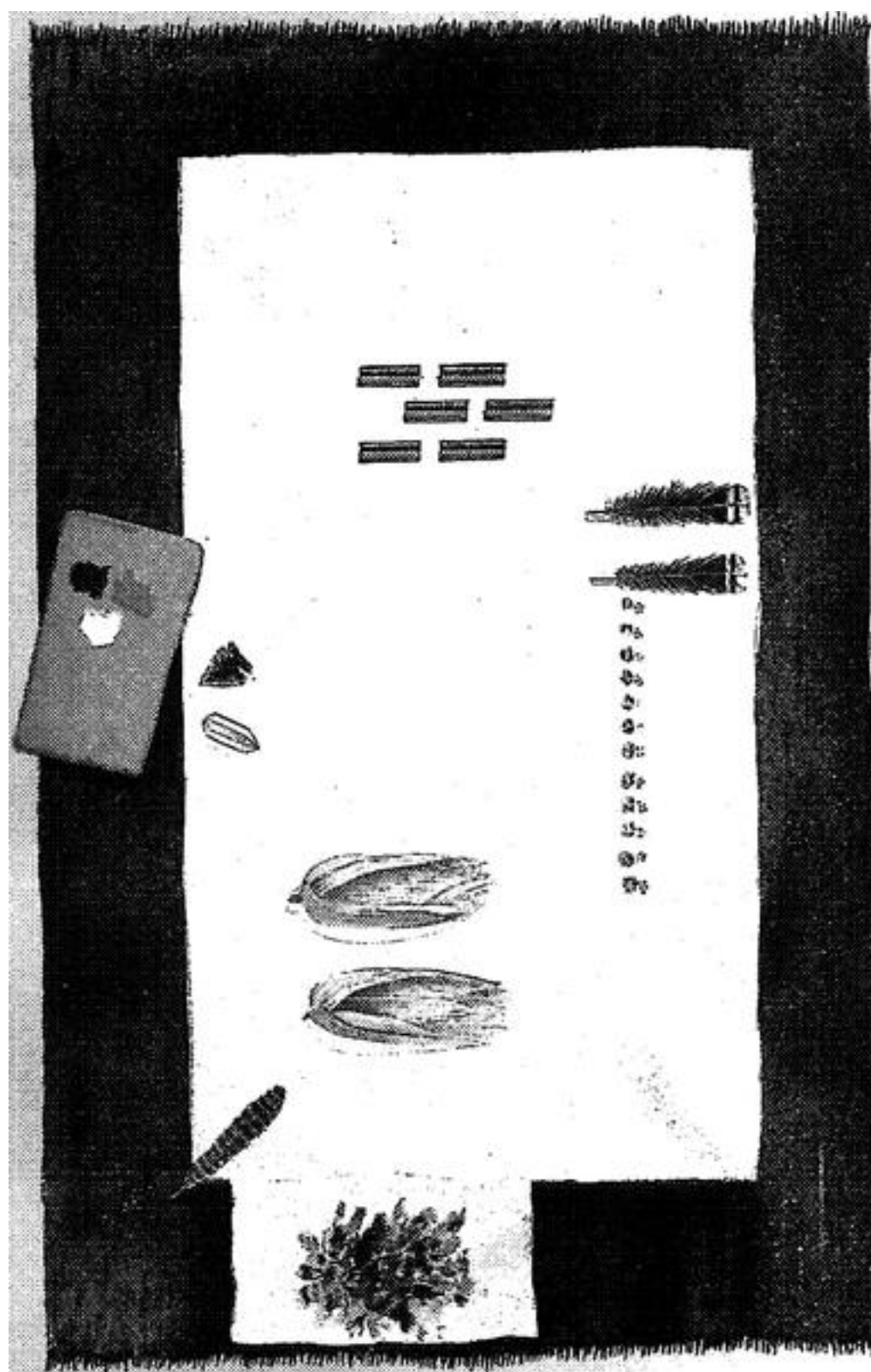
После вознесения молитвы теург передал свертки служителю, который разложил их в ряд на расстоянии трех футов друг от друга вдоль края танцевальной площадки перед ложей. Их надлежащее место находится непосредственно на земле, на которой нужно танцевать, но, чтобы их не растоптали, они откладываются в сторону. Черные трубки - это подношения богам, а синие - богиням гор и земли.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Строительство второй парилки началось на рассвете и было завершено в девять часов. Несколько больших камней были нагреты и помещены в парилку, и, как и раньше, туда были брошены белый шалфей и *Bigelovia Douglasii*, пары которых были предназначены в качестве лекарства для больного человека. После того, как инвалид входил в парилку, вход завешивался одеялами из оленьей кожи и т. Д. Певчий священник в сопровождении двух слуг сидел немного южнее. Он посыпал мукой западное основание дома и его верхушку с севера на юг и разместил волшебные палочки вокруг его основания описанным выше способом (двенадцать волшебных палочек и использованные лекарства были особой собственностью теурга). Певчий священник, державший погремушку, присоединился к хору в песнопении. Справа от него стояли два кувшина индейцев навахо, наполненных водой, и корзина апачей, частично заполненная кукурузной мукой. На трапезе лежала связка мешочков из оленьей кожи, один из маленьких синих тюбиков с лекарствами, рог горного барана и кусок выделанной шкуры. Рядом стояла тыква, наполовину наполненная водой, в которую посыпали муку; рядом с ней стояла маленькая глиняная вазочка с водой и мелко нарезанной зеленью. По окончании песнопения певчий передал свою погремушку одному из хористов и указательным пальцем размешал смесь в чаше, а после нескольких замечаний инвалиду, который все еще находился в парилке, он плеснул немного смеси на горячие камни. Это повторилось четыре раза, после чего певчий священник вернулся на свое прежнее место. Священник парилки снял со своих плеч одеяло индейцев навахо и расстелил его у двери немного правее. Звонок одного из сопровождающих послужил сигналом к появлению Хасджелти и Хостджогона. Двое мужчин, олицетворявших этих богов, стояли за деревом к югу от парилки, их тела, руки и ноги были выкрашены в белый цвет. Сзади к их поясам были прикреплены лисьи шкуры. Когда боги приблизились к парилке, пациент вышел и сел на одеяло, а Хасьелти взял в правую руку рог горного барана, а в другую - кусок шкуры и стал растирать больного, начиная с конечностей; по мере того как он растирал каждую конечность, он простирал руки к восточному небу и кричал "йо-йо!" Он также растер голову и туловище, держа руки по разные стороны тела. После этого растирания больной пил из чаши целебную воду, затем вставал и омылся той же смесью, при этом наполненные тыквы Хасджелти передавал ему четыре раза, каждый раз сопровождая это своим особым уханьем. Хостджогон повторил ту же церемонию над больным. Раздался постоянный грохот и пение, боги исчезли, и сразу же после этого теург собрал двенадцать жезлов с основания парилки. Он достал синюю тростинку из корзины и положил ее немного левее священника парилки, который, в свою очередь, передал ее служителю, чтобы тот повесил ее вместе с

дровами парилки на соседнее дерево. Больной направился к врачебному домику, сопровождаемый певчим жрецом, тихо напевавшим заклинание. Войдя в сторожку, инвалид занимал свое место с западной стороны; певчий священник, все еще стоя, доставал из маленького мешочка из оленьей кожи белое порошкообразное вещество, которым он натирал подошвы ног, ладони, колени, грудь, плечи и голову инвалида; затем, взяв щепотку того же вещества, он протягивал руку сначала к востоку, а затем к небесам и земле. После этих знаков внимания он занял свое обычное место в ложе и вступил в разговор со своими слугами.

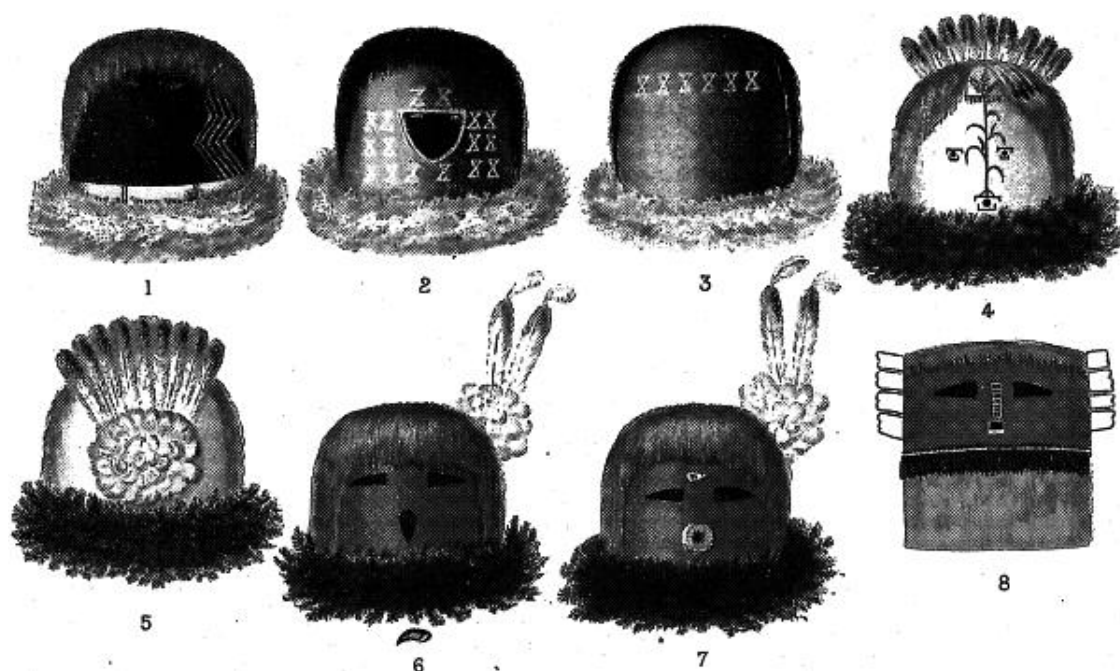

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Две овечьи шкуры, одеяло и хлопчатобумажная ткань были расстелены одна на другую перед певчим священником; и из длинных тростинок, которые сначала натерли полировальным камнем, а затем табаком, были вырезаны десять кусков длиной в дюйм с четвертью и два куса длиной в 2 дюйма. Они были окрашены в черный и синий цвета, одна длинная часть и пять маленьких были черными, остальные синими. Пока их украшали, певчий священник и хор пели "Отцы мои, смотрите, мы готовимся! Мы хорошо выполняем свою работу, и вам лучше пойти в дом, потому что у нас будет дождь! А теперь, матери, ниспошлите на нас дождь!" Эта песня повторялась постоянно.

Трубки, когда они были закончены, были уложены так, чтобы сформировать двойную личность. Сначала была установлена длинная черная трубка, представляющая тело. Затем длинная синяя трубка была проложена сбоку от него и к югу от него. Пыльцевой конец трубки был направлен на восток. Следующей была установлена правая черная нога, затем правая синяя нога, левая черная нога и левая синяя нога. Правая черная рука, затем правая синяя рука, левая черная рука и левая синяя рука, затем черная голова и синяя голова. (См. Рис. CXV.)

Эти трубки были наполнены перьями, шариками и табаком, посыпаны кукурузной пылью и подсвечены кристаллом; черные трубки были подношениями богам, синие - богиням. После того, как они были закончены, второй служитель расставил их по местам; и пока набивались трубки, певчий священник и хор пели: "Смотрите, отцы! Мы набиваем их табаком; это вкусно; курите его!" От отцов было получено сообщение, что они будут курить, и, выпуская дым изо рта, они будут призывать орошение земли. Они снова запели: "Все вы, люди, живущие в скалах, все вы, рожденные среди облаков, мы хотим, чтобы вы помогли нам; мы приносим вам эти подношения, чтобы у вас была еда и курево! Все женщины, вы, живущие в скалах, вы, рожденные среди тумана, я молю вас прийти и помочь нам; Я хочу, чтобы вы пришли и поработали над больными; Я предлагаю вам пищу из перьев колибри и табак для курения!" Два пучка перьев, которые были положены на восточную сторону ковра, указывая на восток, были завернуты в две кукурузные шелухи, каждая из которых содержала кусочки бирюзы, черные архаичные бусины и раковину морского ушка; на них была посыпана кукурузная пыльца. Затем певчий жрец поместил двойное тело в шелуху следующим образом: сначала черное тело положили на шелуху к северу и посыпали его щепоткой пыли; синее тело поместили в другую шелуху и посыпали его пылью; затем две правые ноги (черную и синюю) поместили в кукурузную шелуху вместе с черным телом; две левые ноги были добавлены к ней; правая и левая руки и две головы были помещены в шелуху вместе с синим телом и посыпали их кукурузной пылью. Жрец-песнопевец закрывал и прикладывал шелуху к подошвам ног, ладоням, коленям, груди, плечам, спине и макушке больного, который повторял длинную молитву вслед за теургом, и свертки передавались служителю, который относил их на некоторое расстояние от сторожки к северу и клал в укромном тенистом месте на земле. На землю были положены две крошки табака, и на них было положено тело, фигура в лежащем положении с руками за головой. Больной, для которого проводилась эта церемония, не пожалел средств на то, чтобы заставить теурга самым подробным образом объяснить своим ближайшим родственникам секреты пробирок с лекарствами.

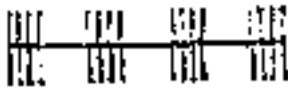
ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ МАСКИ.

ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Теург занял свое обычное место, окруженный корпусом слуг. Тело и конечности человека, олицетворяющего Найенесгони, были выкрашены в черный цвет. Ноги ниже колена, лопатки, грудь и рука выше локтя были выкрашены в белый цвет. Его чресла были прикрыты тонким красным шелковым шарфом, перехваченным серебряным поясом; его синие вязанные чулки были подвязаны красными подвязками ниже каждого колена, а шею украшало множество коралловых, бирюзовых и белых ракушечных бус. У мужчины, представляющего Тобайдишинни, тело было окрашено в красновато-коричневый цвет с этой фигурой

(узел на голове) белого цвета на внешней стороне каждой ноги ниже колена, на каждой руке ниже плеча, на каждой лопатке и на каждой груди. Этот рисунок представляет собой пучок волос, срезанных с голов врагов, и этот стиль до сих пор используется индейцами навахо. Чресла мужчины были обмотаны красным шерстяным шарфом, перехваченным серебряным поясом, а его шея была обильно украшена коралловыми, бирюзовыми и белыми бусами.¹ Найенесгони и Тобайдишинни покинули вигвам, захватив с собой свои маски. (См. Pl. схv, 1, 2, 3.) Пучки сосновых веток, из которых до полудня делали венки, соединяя таким образом кусочки юбки, были

уложены поперек каждого конца ковра.

После того, как двое мужчин, олицетворявших богов, покинули ложу, вошел инвалид и занял свое место на ковре спиной к теургу. Двое слуг одели его венками, начав с правой лодыжки; затем часть повязали вокруг икры, бедра, талии, вокруг груди, правого запястья, локтя, предплечья, горла, лба, затем вокруг верхней части левой руки, локтя, запястья, бедра, левого колена, икры и лодыжки. Таким образом, мужчина был буквально скрыт массой сосен. Он сидел в вертикальном положении, вытянув ноги и опустив руки по бокам. Певчий священник запел песнопение, и через несколько минут появились Найенесгони и Тобайдисчинни. Найенесгони провел своим каменным ножом перед инвалидом от лба к ступням, затем вниз по правой стороне, по спине и по левой стороне. Затем он начал снимать сосну. Когда каждый веночек был снят, гроздья были частично отделены каменным ножом. Тобайдисчинни помогал Найенесгони, придерживая венки, пока их срезали.

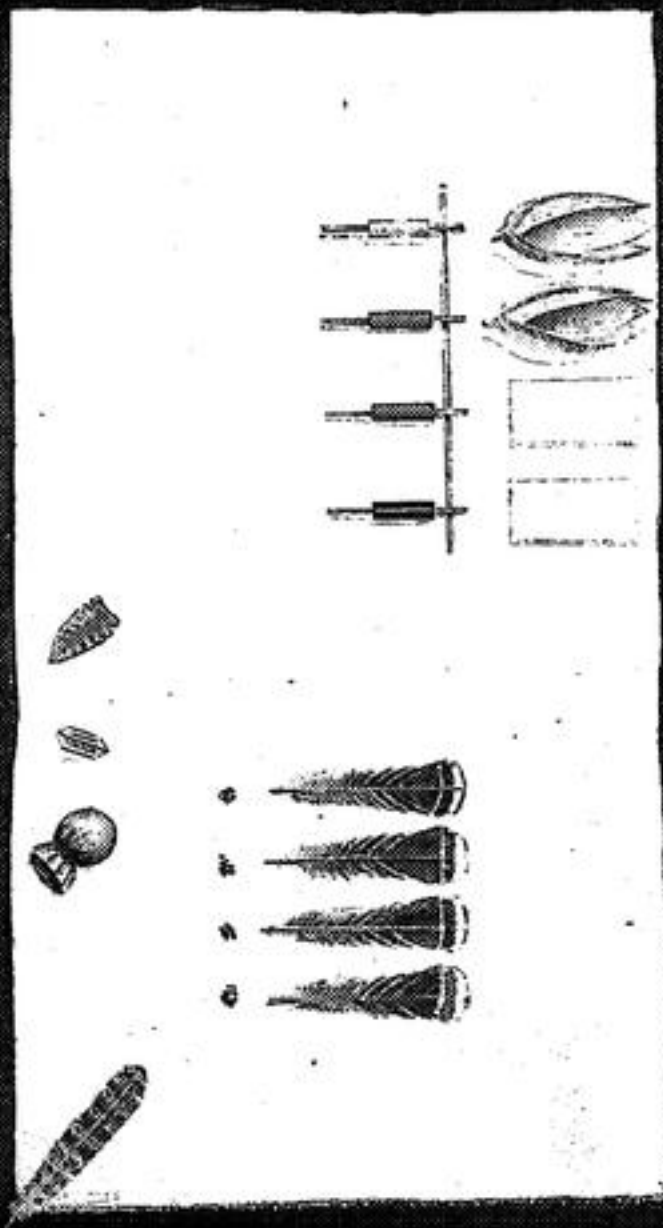
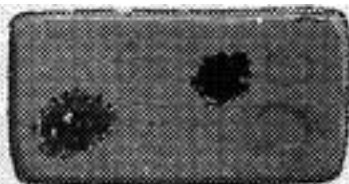
Когда все вечнозеленые растения были убраны, олицетворяющие богов воскликнули: "Теперь, мой народ, мы убили всех врагов!" - и немедленно покинули вигвам. Певчий священник возложил на голову больного небольшой сосновый венок и, держа в левой руке пучок орлиных перьев, а в правой - погремушку, спел под аккомпанемент хора десять песен и молитв, которые Найенесгони и Тобайдисчинни подарили навахо, чтобы принести здоровье и удачу. После того, как венки из сосновых ветвей были разделены, служитель подобрал кусочки нитей юкки и передал Найенесгони, который подержал их над головой больного, после чего кусочки снова разделил ножом. После того как были спеты десять песен и молитв, инвалид встал с ковра и сел немного к северо-востоку от него, подтянув колени. Певчий священник положил перед инвалидом два тлеющих угля и посыпал на угли измельченную зелень, пары которой инвалид вдохнул. Сосны снесли и поместили в тени сосны, чтобы болезнь не покинула сосну и не вернулась к больному.²

ЧЕТВЕРТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Персонажи Хасджелти и Хостджогон принарядились для церемонии. Хасджелти был одет в обычную одежду и красный шарф с серебряным поясом вокруг талии. Тело Хостджогона было выкрашено в белый цвет, и он носил красный шерстяной шарф вокруг чресел, перехваченный серебряным поясом. Перед певческим священником расстилали ковер, состоящий из одеяла и куска белой ваты, и клали на него маски Хасджелти и Хостджогона. (См. Табл. CXV, 4,5,6.)

По завершении туалетов персонажей богов они поспешили покинуть ложу, прихватив с собой свои маски, когда служитель сделал углубление непосредственно перед ковриком диаметром 4 дюйма, а певчий жрец насыпал круг муки вокруг углубления. Инвалид вошел в ложу, встал на ковер и снял всю свою одежду, кроме набедренной повязки. Затем он сел лицом к востоку, подтянув колени. На голову больного была натянута маска Хозяина, лежавшая на коврике. В этот момент появились Хасджелти и Хостджогон, которые несли сосновый сук высотой около 5 футов. Служитель делал над больным какие-то жесты, держа в правой руке щепотку священной муки, которую затем помещали в полость. Хасджелти пять раз обмахнул больного сосновым

суком и поместил его в углубление, где боги удерживали его на месте. Затем, согнув его верхушку, служитель прикрепил его к маске над головой инвалида с помощью бечевки из оленьей кожи, которая была прикреплена к маске. Певчий священник и хор все это время пели странную песнь. Боги подняли ветку, издали свои особые крики и исчезли из вигвама, унося с собой сосновый сук с прикрепленной к нему маской. Через несколько минут они вернулись с маской. После пения певчий жрец кладет муку на подошвы ног, колени, ладони, грудь, спину, плечи и голову больного, а затем кладет немного в полость, после чего полость заполняется землей. Перед больным клали два угля, и на них певчий священник клал мелко наломанные травы; служитель сбрызгивал травы водой, и больной вдыхал пары. Хлопчатобумажная ткань была снята с коврика-одеяла, и инвалид ступил на ковер и надел свою одежду. Когда маску сняли с головы больного, она унесла с собой всю лихорадку.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Теург нес чашу с водой и сосновыми иголками, а слуга - тыквенную бутылку с водой, маленькую вазочку с измельченными травами и корзину апачей, в которой были кукурузная мука, сумки из оленьей кожи, рог горного барана и кусок шкуры, вырезанный из промеж глаз животного. Теург и служитель заняли места справа от входа в парилку к западу от ложи целителей. Эта парилка была украшена радугой. Над входом были, во-первых, два полосатых одеяла, наложенных одно на другое, оленья шкура и кусок белой ваты. Больной вошел, предварительно положив в парилку горячие камни и т. Д. Певчий священник и четыре служителя пели под аккомпанемент погремушки. По окончании песнопения, как и в предыдущие дни, появились Хасджелти и Хостджогон. Хасджелти снял покрывала со входа, и инвалид вышел, сел на одеяло к югу от входа и вымыл обе руки в чаше с сосновыми иголками и водой; затем он выпил из нее и вымыл ступни до бедер, руки и плечи, туловище, лицо и голову, а затем вылил остаток себе на спину. Хасджелти манипулировал правой ногой с помощью овечьего рога и шкуры, потирая верхнюю часть ноги правой рукой, затем нижнюю часть левой; затем он таким же образом потирал боковые стороны ноги, каждый раз издавая звук; аналогично манипулировали руками, грудью, головой и лицом. Хостджогон повторял улюлюканье каждый раз, когда менял положение рук. Хасджелти, взяв тыквенную флягу с водой и кукурузной мукой, дал больному четыре глотка, улюлюкая каждый раз, когда чашу подносили к губам; Хостджогон сделал то же самое. Песня и грохот продолжались. Хасджелти, затем нанесите растертые в порошок растения из маленькой вазы на подошвы ног, колени, ладони, грудь, спину, плечи и макушку больного, улюлюкая каждый раз при нанесении; это повторил Хостджогон. Инвалид сделал глоток из чаши и растер остатки по своему телу. Затем жрец-песенник убрал волшебные палочки с основания парилки и покрывала с двери; сосновые ветви и горячие камни также были убраны, и больной последовал за жрецом-песенником в лечебницу. Вся древесина парилки была уложена на дереве, за исключением четырех небольших кусков, которые были сложены вместе с сосновыми ветками из внутренней части парилки полукругом, образованным камнями из парилки, у основания дерева пиньон. Линия муки длиной 2 дюйма, идущая с востока на запад, была посыпана по вершине полукруга, и по этой линии была проложена черная трубка. Немного муки было посыпано на тубик и еще немного на сосновые ветви этого маленького святилища. Перед тем, как посыпать еду на верхушку тубика с лекарством, служитель обводит рукой круг слева направо, призывая "хошонтко"; это означает: Повсеместные благословения, которые исходят не от произносимых слов, но приходят ко всем, чтобы люди могли получить благословения кукурузной пыльцы и чтобы языки могли говорить с мягкостью кукурузной пыльцы.

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

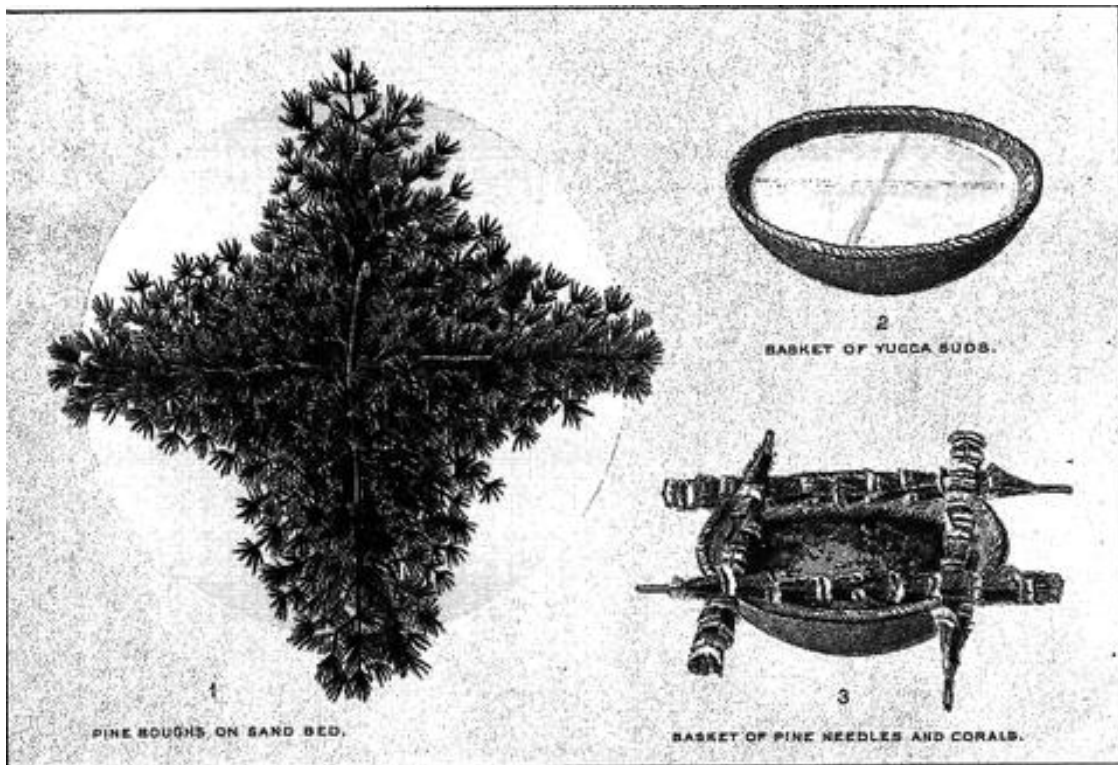
Перед теургом был расстелен ковер. На коврик лежали четыре пробирки с лекарствами, одна с северного конца была белой; вторая - черно-красной, с белой линией, разделяющей два цвета;

третья - синей; четвертая - черной. Белая трубка была подношением Хасьелти; красная - Заадолтджаи; синяя - Хостджоборду; черная - Нааскидди, горбуну. Пробирки были заполнены, как описано выше. Эти пробирки были начаты и закончены одним и тем же человеком. (См. Рис. CXVI.) Когда трубочки были готовы, их завернули в кукурузную шелуху и кусочки хлопчатобумажной ткани; крошечные кусочки бирюзы, белой раковины, морского ушка и архаичных черных бусин сначала поместили на шелуху и ткань. Четыре индюшачьих пера с зазубренными кончиками, которые лежали на коврике, впоследствии были надеты на тубики. Священник-песенник насыпал эти свертки кукурузной пылью и, закрыв их, передал в руки инвалида, который сидел в северо-восточном углу ковра лицом к востоку. Певчий священник сел перед ним и произнес длинную молитву, которую инвалид повторил. По окончании молитвы пожилой служитель принял свертки от теурга и приложил их к подошвам ног, ладоням и т.д. больного. После этого они были поднесены к его рту, и он глубоко вздохнул. Старик отнес свертки на юг, за гребень холма, и положил их в укромных местах на расстоянии примерно 4 футов друг от друга, повторяя краткую молитву над каждым из них; затем он указал на восток, юг, запад и север и вернулся в сторожку. Во время его отсутствия пел хор; тем временем огонь в сторожке догорел до тлеющих углей.

ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Около полудня было сделано круглое ложе из песка, около четырех дюймов в высоту и четырех футов в диаметре. На него были положены пять зерен кукурузы и пять сосновых веток; четыре зерна кукурузы и четыре ветки были расположены по сторонам света. Пятая, центральная ветка сосны покрывала большую часть круга, ее кончики были направлены на восток. Пятое зернышко кукурузы было брошено в центр песчаного слоя. (См. Рис. CXVII, 1). Четыре из этих сосновых сучьев были срезаны с восточной, южной, северной и западной сторон одного дерева. Пятую ветку можно взять с любой части дерева. Из пяти зерен кукурузы одно должно быть белым, одно желтым и одно синим, а два других зерна могут быть любого из этих трех цветов. В этом конкретном случае было два синих, два белых и одно желтое. После церемонии теург высушил и измельчил эти зерна и поместил их среди своих лекарств. Ветки и песок забирали болезнь у инвалида, и по окончании церемонии их относили на север и оставляли в тенистом месте, чтобы солнце не касалось их и не развило скрытую болезнь, которая была ими поглощена. После этого к веткам и песку нельзя было прикасаться. Корзина апачей с корнем юкки и водой была поставлена перед кругом. (См. Рис. CXVII 2.) К югу от него стояла вторая корзина, в которой была вода и некоторое количество сосновых иголок, достаточно толстых, чтобы образовать сухую поверхность, а сверху лежало несколько ценных ожерелий из кораллов, бирюзы и серебра. На краю корзины был образован квадрат с четырьмя палочками для индейки. (См. Рис. CXVII 3.) Певчий священник с погремушкой руководил хором. Инвалид сидел к северо-востоку от круга; набедренная повязка была его единственной одеждой. Во время пения служитель делал пену из юкки. Корзина оставалась на месте; мужчина склонился над ней лицом к северу; его положение позволяло солнечным лучам, проникавшим через отверстие для костра, падать на пену. Когда корзина превратилась в массу белой пены, служитель смыл пену со своих рук, вылив на них воду из тыквенной тыквы, после чего вперед вышел певчий священник и кукурузной пылью начертил на пене крест, который стал твердым, как взбитые яичные белки, причем стороны креста указывали на стороны света. Затем по краю мыльной пены был нанесен круг из пыли. Санитар, готовивший пену, прикоснулся правой рукой к

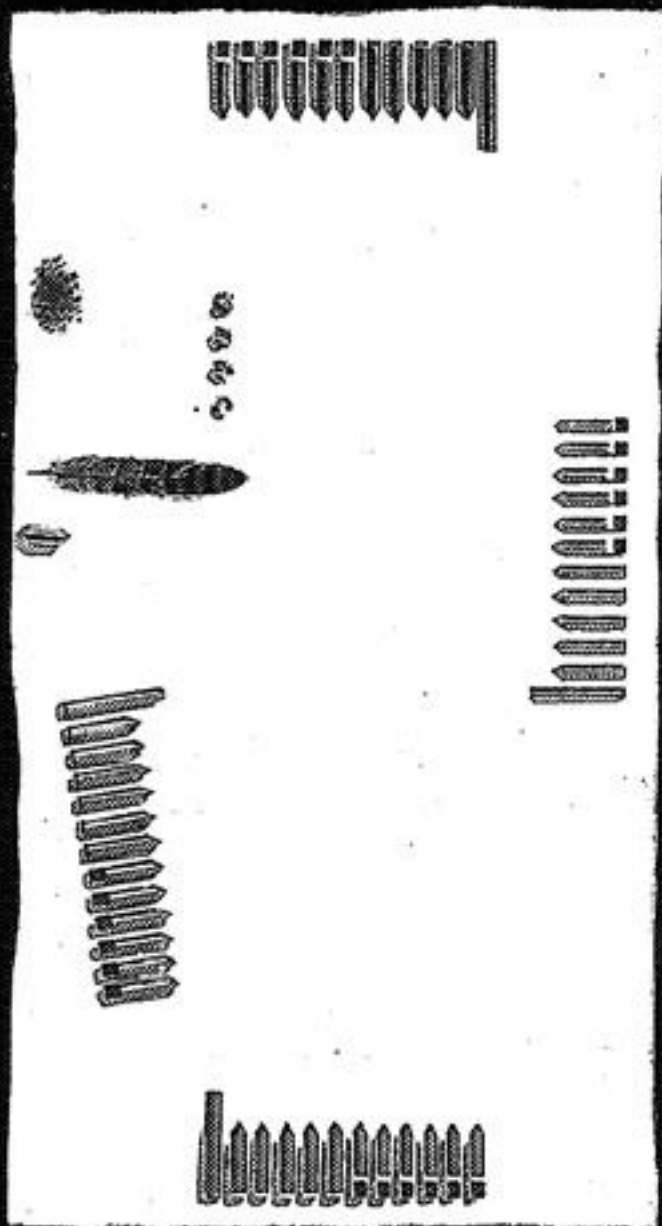
четырем точкам линий пыльцы в центре и положил ее на голову пациента, который сначала описал круг, охватывающий песок и корзину, а затем опустился на колени на ветки в центре песка.³ Затем ему на голову положили пригоршню пены. Корзину поставили рядом с ним, и он тщательно вымыл голову; после этого мастер по приготовлению пены помог ему вымыть все тело пеной, а затем втер в тело кусочки юкки. Пение продолжалось на протяжении всей церемонии и закончилось как раз в тот момент, когда служитель вылил остатки пены на голову инвалида. Певчий жрец достал четыре волшебных палочки из второй корзины, а служитель - ожерелья. Второй санитар поставил корзину перед инвалидом, который теперь сидел в центре круга, и первый санитар помог ему обмыть все тело этой смесью; тело было полностью покрыто сосновыми иголками, которые стали очень мягкими от намокания. Затем инвалид вернулся на свое прежнее место слева от певчего священника, и сосновые иголки и юкка вместе с песком были вынесены и сложены у основания соснового дерева. Тело инвалида высушили, натерев мукой.

ЧЕТВЕРТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Эта церемония началась почти сразу после завершения предыдущей. Ковер расстилали на земле перед певчим жрецом; принесли четыре связки маленьких палочек и разложили их стопками к северу, югу, востоку и западу от ковра. Четверо слуг заняли места, каждый перед кучей дров, и соскребли кору со своих соответствующих куч; затем они отрезали двенадцать кусков по 2 дюйма в длину, за исключением того, что отрезал слуга, сидевший с северной стороны, который сделал свой кусок длиной около 1-1 / 4 дюйма. Когда его спросили, почему он подстриг свою палку короче остальных, он ответил: "Не все мужчины одинакового размера".

Палки были заострены с одного конца и ровно обрезаны с другого. Для того чтобы все палочки были одинаковой длины, их измеряли, накладывая три указательных пальца поперек палочки. Пятый мужчина сел сразу же справа от певчего жреца, который достал из большой аптечки полую тростинку, из которой отрезал четыре куска, каждый толщиной в три своих пальца. Тростинку, срезанную каменным ножом, затем натирали местным табаком. Шесть палочек из каждой стопки имели скошенные квадратные концы; они изображали женщин. Служитель на восточной стороне ковра, закончив изготовление своих двенадцати палочек, покрасил их в белый цвет тонко измельченным каолином, смешанным с водой. Плоские концы палочек были окрашены в черный цвет; скошенные части были окрашены в синий; вокруг нижнего конца синего было немного желтого, что изображало челюсть, окрашенную кукурузной пылью. На синем фоне были нарисованы три черные точки для глаз и рта; основной цвет был нанесен пальцем; остальные украшения были сделаны кистями из юкки. Мужчина на южной стороне покрасил свои палочки в синий цвет. Верхушки шести палочек были окрашены в желтый цвет, а шесть - в черный. Черными были концы со скошенными пятнами. Эти пятна были синими с желтым подбородком; у них также были три черные точки вместо глаз и рта. Человек на западе покрасил свои палочки в желтый цвет с плоскими концами в черный; скошенные пятна на шести из них были синими с желтым подбородком и тремя черными точками вместо глаз и рта. Палочки к северу были окрашены в черный цвет; у шести из них скошенные части были окрашены в синий цвет с желтой челюстью и тремя точками для глаз и рта; у шести палочек, которые не были скошены, плоские верхушки были окрашены в синий цвет. Все эти палочки были разложены на ковре плоскими концами наружу. Служители, которые готовили тростинки, причем каждая тростинка была окрашена по сторонам света, наполняли их шариками из перьев колибри и табака и поджигали их с помощью кристалла, когда к ним прикасалась кукурузная пыльца. Трость на востоке была белой, на юге - синей, на западе - желтой, а на севере - черной. Каждая трость располагалась в соответствующей точке на одной линии с палочками. (См. Рис. CXVIII.) Затем выступил теург, неся корзину, наполовину наполненную кукурузной мукой. Это он поместил в центр ковра; опустившись на колени на краю ковра и начав с белых палочек, он положил сначала белую тростинку в восточную часть корзины и, пройдя от этой точки по кругу вправо, поместил шесть подношений богам, затем шесть - богиням. Затем, взяв синюю трубочку с южного конца, он поместил ее слева от белой линии палочек, оставив между ней и белой трубочкой достаточно места для палочек; все синие были размещены в положении, соответствующем белой. Затем следовали желтые, а затем черные. Все они были уложены плоскими концами или головками, направленными к краю корзины. Теург поставил корзину в нишу на груду палочек из индюшачьих перьев, а сами палочки покоились на большой аптечке. Палочки и обрезки, оставшиеся после изготовления трубочек, были вынесены и без церемоний сданы на хранение.

ПЯТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Ковер, расстеленный перед певчим жрецом, состоял из двух одеял, края которых сходились, и на этом ковре были два ряда масок, идущих на север и юг; верхушки масок были обращены на восток. Масок было шестнадцать; те, что изображали богов, прикрывали голову, а те, что изображали богинь, прикрывали только лицо. Они были украшены лентами, перьями и т.д. До полудня над ними произносились молитвы и на них посыпалась еда.

ШЕСТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Сразу после наступления темноты те, кто должен был принять участие в церемонии, приготовились олицетворять одного из Хостджобокон и двух Хостдjobорд (богинь) — Хостджогон и Хасджелти. Тело и конечности Хостджобокона были раскрашены, на нем была шкура горного льва, сложенная вдвое вдоль и закрепленная вокруг чресел сзади, а талию опоясывал серебряный пояс. На Хасьелти были бриджи до колен и рубашка из черного бархата, украшенная серебряными пуговицами. Его лицо и руки были покрыты белым каолином. Тело Хостджогона было выкрашено в белый цвет, и он носил красный шелковый шарф вокруг чресел, перехваченный серебряным поясом. У двух мужчин, олицетворявших богинь, конечности были выкрашены в белый цвет; у одного на чреслах был черный пояс, удерживаемый серебряным поясом. На другом был красный шерстяной шарф и серебристый пояс; сзади на поясах висели серые лисьи шкуры. Маски были прикреплены к их головам перед выходом из ложи с помощью веревки и пряди волос, а затем откинута с головы. После небольшого улюлюканья они все покинули сторожку. Инвалид вошел в сторожку и, наступив на кусок белой ваты, который был разложен по диагонали поперек ковра на северо-востоке и юго-западе, снял с себя одежду. В сторожке стало очень тесно. Огонь, который ярко горел днем, превратился в простые угли. Служитель, сидевший слева от певчего священника, открыл хоры погребушкой. Инвалид сидел на хлопчатобумажной ткани. Войдя со своим любимым криком среди грохота и песни, Хасджелти четыре раза поднял квадрат (символизирующий сосредоточенные ветры) над головой инвалида и выбежал из сторожки. Он снова вошел и получил от теурга одну из двенадцати белых палочек, которые до полудня были положены в корзину. Ему была вручена белая палочка, самая дальняя от белой трости. Эту палку Хасджелти приложил к подошвам ног, коленям, ладоням и т.д. инвалида под крики и ужимки, после чего выбежал и швырнул на восток. Один из приглашенных вошел и получил следующую белую палку, а после той же церемонии выбежал и бросил ее на восток. Хозяин Джобокон вернулся, и теург вручил ему следующую белую палочку, когда он повторил церемонию, поспешил из вигвама и бросил палочку на восток. Хостдjoboard снова вошел, получил палку, повторил церемонию, выбежал и бросил ее на восток; и так Хостджобокон и Хостдjoboard чередовались до тех пор, пока все белые палочки не были выброшены, когда Хасджелти снова появился и получил от певчего священника белую трость (сигарету) и вынес ее из вигвама. Когда он вернулся, теург вручил ему одну из синих палочек, с которой он повторил церемонию и, покидая вигвам, бросил ее на юг, в то время как Хостджогон и Хостдjobорд поочередно выбрасывали синие палочки в том же порядке, в каком были распределены белые палочки. Желтая и черная палочки были утилизированы аналогичным образом, Хасджелти совершил церемонию с первой палочкой каждого цвета и тростинками. Желтые палочки были брошены на запад, черные - на север. Все это делалось под самые дикие крики и песни хора, сопровождаемые погребушкой.

Хасджелти снова появился и с дикими криками четыре раза приложил квадрат к голове инвалида. Четыре сигареты, которые должны были выкурить боги, впоследствии были взяты четырьмя олицетворяющими богов и оставлены в укромном месте под деревом и посыпаны кукурузной пылью; после их возвращения Хасьелти снова надел квадратик на голову больного. Певчий священник положил перед инвалидом два тлеющих угля, а на угли положил щепотку табака, дым от которого инвалид вдохнул. Служитель вылил воду на угли, когда их выбросили у каминного отверстия вигвама. Персонажи богов вернулись в вигвам со своими масками в руках. Больной оделся и сел на ковер, но вскоре вернулся на свое прежнее место в северо-западной части сторожки. Появился священник из парилки с большой одеждой из бизоньего меха, которую он расстелил перед певчим священником, головой указывая на север, и поверх нее были разложены различные виды ситца, аккуратно сложенные по длине одежды. Этого было много ярдов. Поверх ситца была расстелена прекрасная большая оленья шкура, а поверх нее - белый муслин; все это были подарки больного певчему священнику. Затем маски были уложены на вату (см. Рис. CXV, 7, 8); маска Хасджелти находилась на восточной стороне северного конца, маска Хостджогона - на южном конце, а между ними были помещены шесть масок Хостджобокон. Непосредственно под ними располагались шесть досок хостинга, а под последней - маски Найенесгони и Тобайдисчинни на северной оконечности. За ними последовали три другие маски эцетле, идущие на юг. После того, как все маски были должным образом разложены, певчий жрец посыпал их пылью. Начиная с Хасьелти, он сбрызгивал каждую маску по верхней линии таким образом: по макушке головы вниз по центру лица, затем, образовав своего рода полукруг, он провел по правой щеке, затем, проведя рукой назад влево, он сбрызнул ту же линию по левой щеке. Во втором и третьем рядах была просто линия пыли, проходящая по маскам, начинающаяся с северного конца. Теург повторил молитву во время посыпания пылью, затем передал мешочек с пылью священнику парилки, который повторил посыпание масок, когда каждый в ложе, у каждого был свой индивидуальный мешочек с пылью, поспешил вперед и посыпал маски, одновременно вознося молитвы. Теург и жрец парилки снова посыпали маски пылью, как описано выше.

Корзины и миски в неограниченном количестве, наполненные едой, были расставлены по кругу вокруг костра, который теперь ярко горел. Гости разбились на группы и пододвинули к себе еду, но некоторое время не прикасались к ней. Больной, певчий священник, и его сопровождающие позволяли себе курить, что было социальным, а не религиозным занятием, поскольку в таких случаях предпочитался табак белого человека. В сторожку вошли девочка и мальчик, примерно 12 лет. Мальчик был сыном инвалида, девочка - ребенком его сестры. Мальчик опустился на колени на северо-восточном конце ковра, а девочка - на юго-восточном. Они были богато одеты в одеяла племени навахо, коралловые ожерелья и т.д. И сохраняли полное спокойствие. Теург и его помощники разговаривали между собой вполголоса, и если обитатели ложи вообще разговаривали, их голоса были едва слышны. Через некоторое время открылся хор, возглавляемый певчим священником со своей погремушкой. Во время пения погремушка передавалась от одного к другому. Инвалид не присоединился к пению. Хор продолжал час без перерыва, а затем отдохнул 2 минуты, и снова начался и продолжался еще час.⁴ По окончании пения певчий жрец вручил девушке пучок индюшачьих перьев, взятый из корзины с перьями, которая с момента размещения масок стояла с западной стороны от него. Мальчику была передана еще одна палочка; и дети получили некоторые инструкции от певчего жреца, который говорил вполголоса, после чего служитель наполнил водой из плетеного кувшина корзину, которая на протяжении всей церемонии стояла к востоку от ковра.

Песня возобновилась, и, окунув палочку, которую он держал в корзинке с водой, мальчик обрызгал маски, начиная с северного конца и восточного ряда. Девушка повторила то же самое. Восточный ряд масок был сбрызнут дважды. Когда дети окропляли средний и западный ряды, церемония всегда начиналась с северного конца каждого ряда масок; снова макая свои палочки в воду, мальчик начинал с северной стороны, а девочка - с южной, они окропляли обитателей ложи. Дети были очень неуклюжими, и еще больше их раздражали многочисленные выговоры, которые они получали за свои ошибки. Обрызгивание людей продолжалось до тех пор, пока вода не иссякла. Вигвам также был окроплен по сторонам света. Песня не умолкала на протяжении всей церемонии. Девушка и юноша, заняв сначала отведенную им позицию, служитель с тростинкой, наполненной священным табаком, выпустили дым над масками, выкуривая каждую маску отдельно в восточном ряду; средний и западный ряды он поспешно миновал. Пока это делалось, служитель брал по щепотке разных продуктов и складывал собранное в корзину в нише позади певчего жреца.⁵ После того, как маски были выкурены, служитель окутал дымом всех людей, начиная с северной стороны вигвама. Во время курения песня прекратилась, но возобновилась, когда служитель занял свое место. По окончании песни священная трапеза была смешана с водой в глиняной чаше зуни. Это блюдо готовится из зеленой кукурузы, запеченной в земле, а затем измельченной. Во время приготовления этой лечебной смеси жрец-песенник пел: "Эта пища приготовлена для жителей скал! Мы накормим вас этой пищей, о люди скал!" Затем теург окунул указательный палец в смесь и, быстро проведя рукой по маскам с севера на юг, коснулся каждого рта; каждую линию он провел по четыре раза. Инвалид опустил три указательных пальца в корзинку и, положив их в рот, с громким шумом втянул воздух. Это было повторено четыре раза инвалидом, а затем каждым из сопровождающих, когда все обитатели ложи должны были принять смесь. Это было сделано с молитвой о дожде, хорошем урожае, здоровье и богатстве. Теперь в празднике участвовали все.

ЕДУ ПРИНОСИЛИ В ДОМИК.

Да'ттунейлгайдж	Пирожки из пшеничной муки, обжаренные.
Паштеты из кукурузной муки,	завернутые в кукурузную шелуху и отваренные.
Танашкиджи	Густую кашу отваривают и перемешивают палочками.
Нянескади	Лепешки.
Та'биджаи	Четыре маленьких шарика из кукурузной муки, завернутые в кукурузную шелуху и отваренные.
Инси'док'уи	Кукурузный хлеб с солью, приготовленный из молодой кукурузы, завернутый в кукурузную шелуху и запеченный в золе.
Ткадитин	Кашица из белой кукурузной муки.
Клеша'һп	Кукурузная мука тесто в прямоугольный лепешек, испеченных в золе, горячей земле или песку.
Цесте'лтцой	Лепешки толщиной около четверти дюйма, приготовленные из сладкой кукурузы, смешанной с козьим молоком, и выпекаемые на раскаленном камне.
Цесте'	Хлеб из кукурузы, сначала поджаренной, а затем мелко измельченной и

ЕДУ ПРИНОСИЛИ В ДОМИК.

	приготовленной в виде тонкого теста, которое выпекается на хорошо отполированной лавовой плите. Хрустящие прозрачные листы складывают или сворачивают в рулон.
Приготовьте пипизи	Маленькие шарики из кукурузной муки.
То'тконджи	Лепешки из кукурузной муки толщиной в четверть дюйма из старой кукурузы, запеченные на сковороде; их приправляют солью.
Алкаандт	Хлеб, приготовленный из сладкой кукурузы, которую сначала обжаривают, затем измельчают на терке, а затем женщины и девочки разжевывают и кладут в виде массы в плоскую корзинку; это должна быть либо желтая, либо белая кукуруза, синяя кукуруза никогда не используется для этой цели. Кашу готовят из белой или желтой кукурузной муки, и в кашу добавляют прежний препарат, превратившийся в дрожжи. Затем в земле (рядом с костром) выкапывают яму и выстилают ее шелухой, в которую наливают кашицу, затем ее засыпают шелухой, после чего засыпают землей и разводят большой костер, который горит всю ночь. Рано утром, когда выясняется, что хлеб испечен, удаляют золу и угли.
Дрожжи Tkleheljoe	для этого хлеба готовят таким же образом, как и для Алкаандта, за исключением того, что кукурузу запекают, а не сушат. Затем дрожжи смешивают с мукой для замеса крутого теста и выпекают в кукурузной шелухе, в каждую упаковку кладут по четыре лепешки.
Та'натнил (напиток)	Готовится так же, как дрожжи, используемые в Алкаандте, за исключением того, что в этом случае напиток готовят из них, заливая кипятком.
Дизетсо	Тушеные персики (свежие или сушеные). Также было несколько больших мисок тушеной баранины.

На полу вигвама образовались небольшие группы по трое и пятеро; другие, менее удачливые, были тесно прижаты друг к другу у внешнего края вигвама и могли добывать себе пищу только благодаря щедрости своих соседей. Девочка и мальчик покинули вигвам после того, как отведали священной смеси для трапезы. После угощения певчий жрец поднимал каждую маску левой рукой, начиная с Хасьелти, и, сначала протянув правую руку, в которой держал прекрасный большой кристалл, к небесам, он касался кристаллом нижней части каждой маски; четыре раза он проводил над масками. Хор пел, но погремушка не использовалась. После этого кристалл положили на ковер напротив корзины с перьями. Сосуды с едой убрали, и песня продолжалась некоторое время, пока певчий священник повторял долгую тихую молитву, после чего песня возобновлялась, и, таким образом, ночь прошла в молитвах и пении над масками.

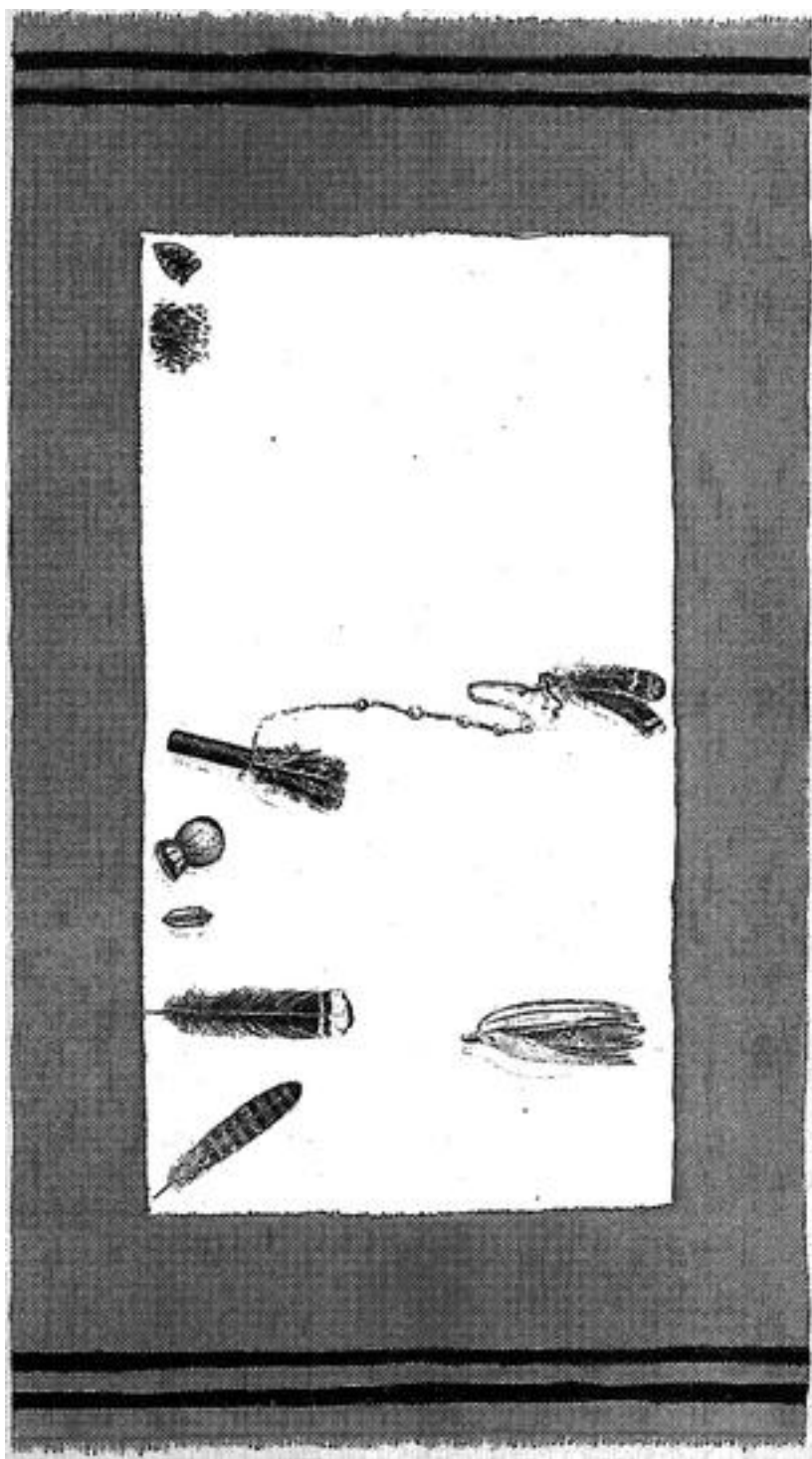
ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Служитель приготовил корзину с мыльной пеной из юкки, который очистил свои руки от пены, вылив на них из тыквенной бутылки чистую воду; затем он положил пригоршню пены на голову человека, стоявшего перед ним обнаженным, за исключением набедренной повязки, после чего человек вымыл голову из кувшина с водой, который служитель держал над головой купальщика. Купальщик покрыл свое тело пеной, и служитель вылил содержимое кувшина на пол вигвама. Мужчина оделся в обычную хлопчатобумажную одежду, на шее у него висели редкие бусы, а на плечах висел кожаный мешочек из шкуры горного барана; он опустился на колени перед чашей с белым каолином, который намазал себе на лицо; затем он занял свое место между двумя слугами: тот, что справа от него, держал в ладонях правой руки щепотку местного табака, а тот, что слева, - кукурузную муку.

На раннем рассвете шкура бизона у входа в вигвам была слегка приоткрыта, чтобы впустить лучи приближающегося дня. Маски, над которыми пели и молились всю ночь, были убраны в нишу за спиной певчего жреца. Маленькая девочка, которая выступала прошлой ночью, вернулась в вигвам, но я не мог видеть, чтобы она была там с какой-либо целью, кроме как съесть немного оставшейся еды, которую собрала в два больших пакета и оставила пожилая женщина, убиравшая посуду после пиршества. Было постелено красное одеяло, а поверх него кусок белой ваты. Была приготовлена трость длиной в пять дюймов и вдвое больше в диаметре, чем другие, использовавшиеся до сих пор. Язычок был обычным образом окрашен в черный цвет и наполнен шариком из перьев и табаком. Он был подсвечен кристаллом и покрыт пылью. Закончив с тубиком, инвалид занял свое место с западной стороны ковра, а служитель, готовивший тубик, сел с западной стороны; он достал из одного мешочка четыре бусины из белых ракушек, а из другого - бирюзовую бусину; он обвязал конец тюбика из белой хлопчатобумажной пряжи длиной около трех футов вокруг пыльцевого конца тюбика и прикрепил к петле два пера арктической синей птицы, одно из правого крыла и одно из левого, а также хвостовое перо той же птицы и три пера птицы с желтым оперением, правое и левое крыло и хвостовое перо. Пять бусин были нанизаны на нитку, причем бирюзовая была надета первой; они были продеты за шнур, а две под хвостовыми перьями и волосок из бороды индейки были прикреплены к концу нитки петлей, подобной той, которая прикрепляла ее к трубке. (См. PL CXIX.). Это было великое (сигаретное) подношение Хасджелти, и его нужно было поместить в каньон рядом с источником, потому что все птицы собираются у воды. Это было предложено для того, чтобы певчий священник мог передавать свои молитвы прямо над строкой песни. Это подношение обеспечивает присутствие этого наиболее ценного бога и настолько наполняет разум певчего песнопением и молитвой, что оно произносится без колебаний и без раздумий, так что ему, возможно, никогда не придется обдумывать свои слова. Небольшое количество каждого сорта песка, используемого для украшения, помещали на шелуху с небольшим количеством табака, а на них - щепотку кукурузной пыли; затем трубку укладывали на шелуху и аккуратно укладывали бечевку и перья. На шелуху были положены два дополнительных пера, из-под хвоста орла и индейки. Синее перо макали в воду, затем в пыльцу и дважды натирали эти перья; служитель складывал сверток, и певчий священник получал его и прикасался им к подошвам ног, коленям, ладоням, груди, спине и рту больного; затем он клал

щепотку пыли в рот больного и щепотку на макушку; он вкладывал сложенную шелуху в руку больного, становился перед ним и шептал длинную молитву, которую больной повторял за ним. Способ удерживания шелухи был описан ранее. Человек с раскрашенным лицом получил шелуху от теурга, который вернулся на свое место и сразу же начал пение погремушкой. По окончании песнопения носитель шелухи касался ею подошв ног, ладоней и т.д. инвалида и покидал ложу. Этот драгоценный сверток был доставлен на расстояние трех миль и оставлен в каньоне рядом с родником, где буйно растет тростник. Вкладчик вознес молитвы о здоровье, дожде, пище и удаче для всех. На этой церемонии присутствовали только теург, его помощники и несколько ближайших родственников больного.

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Священник парилки шел впереди больного и певчего священника, последний нес свою корзинку с лекарствами, волшебные палочки и т.д. Горячие камни и сосновые ветки были положены в парилку; вокруг западного основания была посыпана мука, а жрец-песенник положил жезлы, как описано выше. Три одеяла в белую и черную полоску были положены одно

надругое, а поверх них лежали оленья шкура и несколько складок белого муслина. Служитель принес большую чашу для лекарств, наполовину наполненную сосновыми иголками; на них была налита вода; маленькая глиняная чаша и тыква с водой были поставлены перед жрецом-песенником, который положил в чашу измельченный шалфей, поверх которого он посыпал измельченные в порошок сухие продукты; в тыкву и чашу также было насыпано небольшое количество муки. Затем началась песня. Справа от входа в парилку был положен небольшой сосновый сук. Началом песни был призыв к богам наделить лекарство силой, способной завершить излечение больного и сделать всех людей здоровыми, а также обеспечить влажную и хорошую почву по всей земле. Эта песня специально адресована Тонееннили, разбрызгивателю воды.

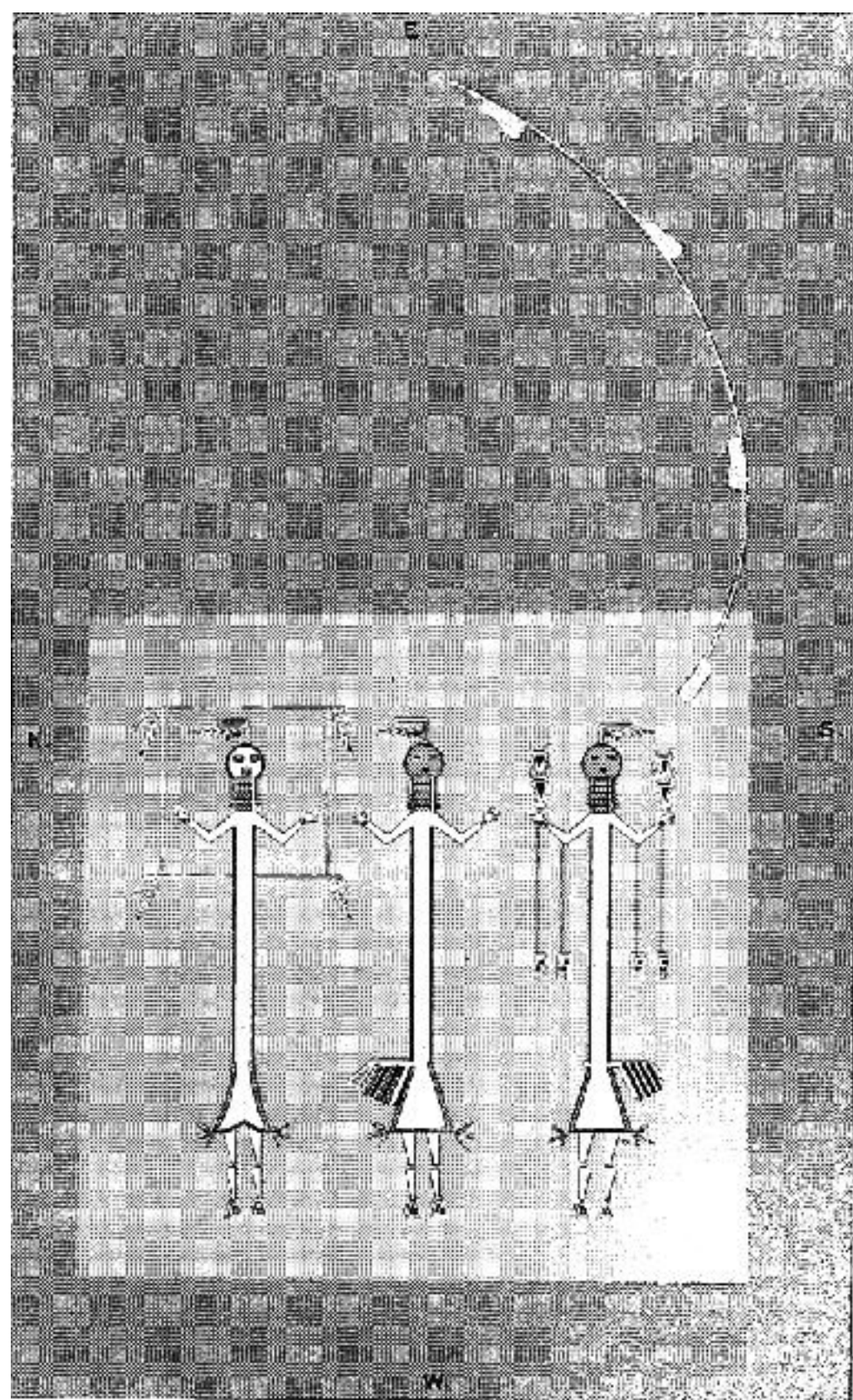
Хаджелти и Хостжогон прибыли как раз в тот момент, когда больной мужчина вышел из парилки. Инвалид искупался из чаши с сосновыми иголками и водой. Взяв овечий рог в левую руку и кусок шкуры в правую, Хасджелти надавил на тело инвалида, как описано выше. Священник парилки попросил бога обратить особое внимание на растирание головы больного. Маленькая тыквенная коробочка была передана Хасджелти, который дал инвалиду четыре глотка ее содержимого. Хасджелти обрызгал подошвы ног, ладони и т.д. больного лечебной водой из чаши. Затем боги внезапно исчезли. В этом случае Хостжогон не принимал участия в введении лекарства. Больной, надев свою одежду, направился в сторожку, сопровождаемый певчим священником. Парилку, как обычно, снесли, а сосновые ветки и камни сложили к северу от дома на небольшом деревце пиньон; бревна дома положили на землю в нескольких футах от дерева. На бревна насыпали полоску муки длиной с тюбик с лекарством и укладывали на нее тюбик. На тюбик и бревна насыпали муку.

ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Первая картина песком была выполнена 16 октября; она была начата ранним утром и завершена на закате. Обычный желтоватый песок приносили в одеялах. Это послужило основным цветом для картины. Он был уложен так, чтобы сформировать квадрат глубиной 3 дюйма и диаметром 4 фута. На нем были нарисованы три фигуры в манере, описанной при изображении радуги над парилкой. Девять палочек для индейки были расставлены на южной, западной и северной сторонах квадрата, а от входа в домик до картины тянулась линия блюд с четырьмя следами от ног. (См. Pl. CXX.)

На рисунке Хасьелти стоит в северном конце, держа в руках эмблему концентрированных ветров. Квадрат украшен по углам орлиными перьями, перевязанными хлопчатобумажным шнуром; орлиный плюмаж прикреплен хлопчатобумажным шнуром к голове Хасджелти. Верхние горизонтальные линии на лицевой стороне обозначают облака; перпендикулярные линии обозначают дождь; нижние горизонтальные и перпендикулярные линии обозначают первую растительность, использованную человеком. Подбородок Хасджелти покрыт кукурузной пылью, голова окружена красным солнечным светом, красные поперечные линии на синем обозначают гортань; он носит бирюзовые серьги, леггинсы из белой оленьей кожи с бахромой и расшитые бисером мокасины, перевязанные хлопчатобумажным шнуром. Фигура на южном конце - Хостджогон; у него тоже орлиное перо на голове, окруженное красным солнечным светом. Его серьги из бирюзы; к запястьям прикреплены ленты из лисьей шкуры; свободные

концы сильно украшены подвесками из бисера, прикрепленными хлопчатобумажными нитками; в руках у него палочки из перьев дикой индейки и орла,украшенные красными, синими и желтыми солнечными лучами. Центральная фигура - один из приглашенных, и на этой фигуре сидит инвалид, в честь которого проводится церемония. Четыре отпечатка ног сделаны из муки. На них наступает инвалид, когда он подходит и занимает свое место, подтянув колени, на центральной фигуре. С наступлением темноты инвалид перешел линию приема пищи, стараясь не наступать на следы, чтобы укрепить свои умственные и моральные качества. Войдя в ложу, инвалид сразу же снял с себя одежду; у него были пушистые перья орла на груди, прикрепленные к пряди волос на голове белым хлопчатобумажным шнурком; он подошел к картине и занял свое место на центральной фигуре. Служитель последовал за ним и правой рукой смел тарелку с едой после больного, удаляя все ее следы. Вход инвалида в сторожку был сигналом для певчего начать пение погремущкой. Хасджелти и Хостджогон с диким улюлюканьем ворвались в сторожку. Первый нес квадрат (концентрированные ветры), который он поместил над головой больного. Хостджогон держал в каждой руке по палочке для индюшатины, которыми он размахивал над головой инвалида и улюлюкал; это повторялось четыре раза, и каждый раз боги выбегали из вигвама. Хасджелти была одета в бархатное платье, но тело Хостджогон было обнаженным, выкрашенным в белый цвет. Эта дикая, странная церемония закончилась, больной встал, и певчий священник собрал палочки-индюшки со всех сторон картины, в то время как служитель стер ее, потеряв руки песком до центра. Песок собрали в одеяло, вынесли из вигвама и отложили на некотором расстоянии от вигвама, где солнце не могло вызвать зародыш болезни. Никто никогда не прикасается к песку, когда его выносят, хотя перед тем, как стереть рисунки, люди требуют прикоснуться к ним, а затем потирают руки о собственное тело, чтобы излечиться от любой болезни. Инвалид, переодевшись, вернулся в свой семейный домик. Затем группа людей собралась вокруг того места, где раньше были картины, и присоединилась к странному скандированию, которым завершилась церемония пятого дня.

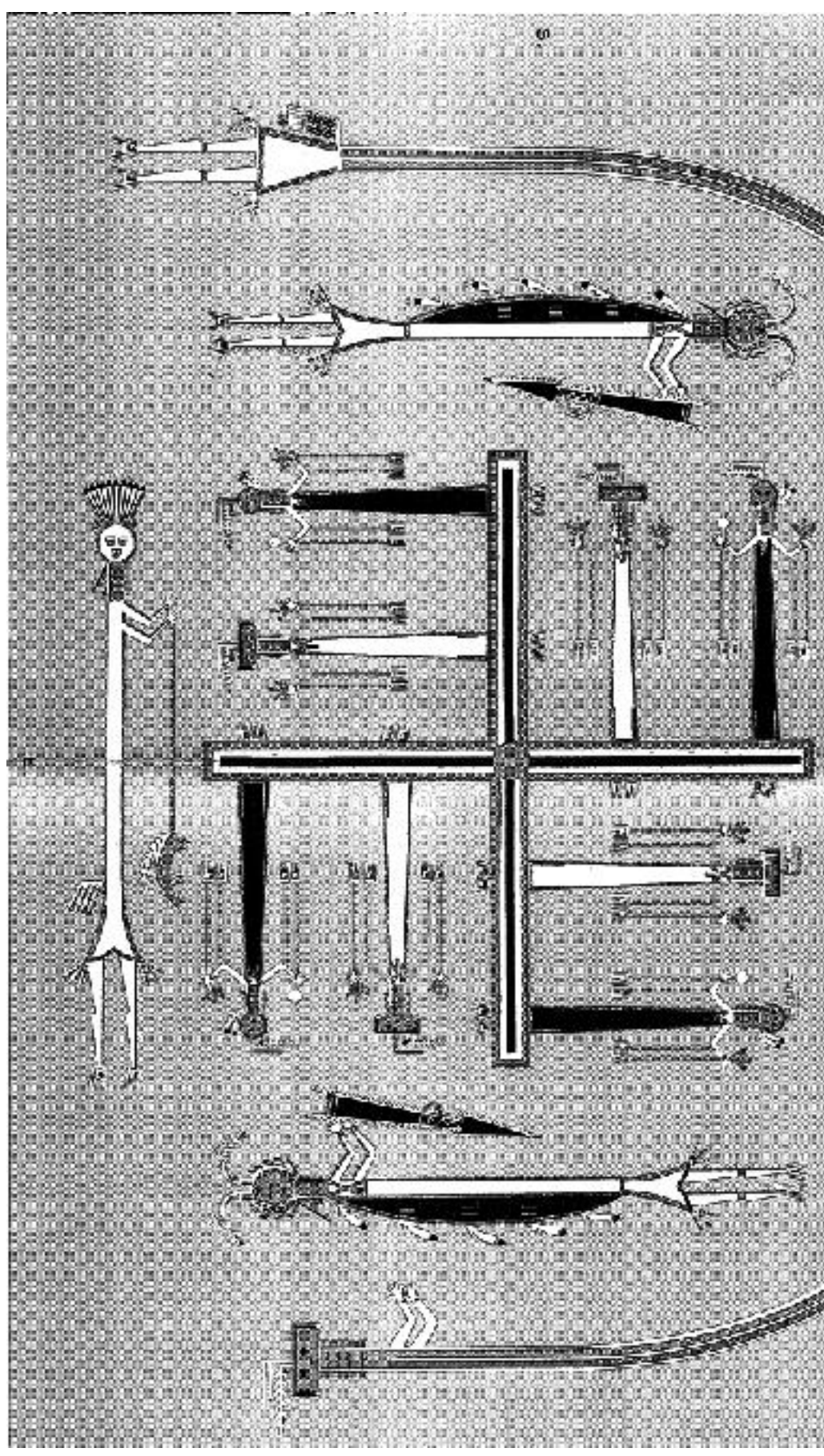
ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Подготовка к большой картине песком началась при свете дня. Песок для земляных работ приносили в одеялах; огонь, горевший во время предыдущих церемоний, сначала убирали и все следы от него засыпали песком. Поскольку художники должны были начинать роспись с центра картины, сначала была нанесена только часть основного цвета, чтобы дать им возможность работать с большей легкостью. Пока наносился основной цвет, мужчина сидел с одной стороны вигвама, растирая метатом и смешивая краски. Из потухшего костра было взято некоторое количество углей для приготовления черной краски. Небольшое количество красного песка было смешано с древесным углем, чтобы придать ему объемность. Все цвета, использованные в этой песочной картине, были упомянуты в описании радуги над парилкой. После того, как центральная часть основы для картины была сглажена, Иерусалимский крест был нарисован черным цветом. Обычно единственным ориентиром для рисования линий был глаз, хотя в двух случаях использовалась ткацкая палочка. Как правило, занимались четыре художника, по одному начинали с каждой точки креста. Каждая ветвь креста была завершена художником, который начал работу. Иллюстрацию картины смотрите на PL CXXI.

Черные перекладки на рисунке обозначают сосновые бревна; белые линии - пену на воде; желтые - растительный мусор, собранный бревнами; синие и красные линии - солнечные лучи. Синее пятно в центре креста обозначает воду. На доске Хостжобокон находятся четверо хозяев со своими женами; каждая пара сидит на одном из перекладов бревен. Эти боги держат в правой руке погремушку, а в левой веточки пиньона; жены или богини несут веточки пиньона в обеих руках; погремушка приносит мужские дожди, а пиньонец, который несут женщины, женские дожди; эти дожди встречаются на земле, зачинают и порождают всю растительность. Их головы украшены орлиными перьями, перевязанными хлопчатобумажным шнуром. (Примечание: во всех случаях круглая голова обозначает мужчину, а восьмиугольная - женщину.) У богов также есть пучок перьев ночной совы и орлиные перья на левой стороне головы; и мужчины, и женщины носят бирюзовые серьги и ожерелья из того же материала. Гортань представлена параллельными линиями на синем фоне. Линия солнечного света окружает голову как самцов, так и самок. Белые пятна по бокам головы самок представляют уши. Руки богинь покрыты кукурузной пылью, а к запястьям прикреплены длинные ленты из лисьих шкурок, как показано на рисунке номер один. Все они носят расшитые бисером мокасины, перевязанные хлопчатобумажным шнуром. Их подбородки покрыты кукурузной пылью, а тело окружено красным солнечным светом. Только на юбках есть дополнительная полоса синего солнечного света. Хасьелти находится к востоку от картины. Он носит беличью шкуру, набитую табаком. Его рубашка из белого хлопка и очень эластичная. Леггинсы из белой оленьей кожи с бахромой, а мокасины такие же, как у других. Его голова украшена орлиным хвостом, а к кончику каждого плюмажа прикреплено пушистое перо с груди орла. Пучок перьев ночной совы находится по обе стороны орлиного хвоста, там, где он прикреплен к голове. Горизонтальные и перпендикулярные линии на лице упоминались в описании первой картины песком. Выступ справа от горла представляет собой лисью шкуру. Головной убор Хостжогона похож на головной убор Хасджелти. Справа от горла прикреплены две полоски бобровой шкуры с шестью иглами дикобраза. Четыре цветные звезды на теле - украшения из бисера. Рубашка этого бога невидима; темнота - это темнота тела. Хостжогон носит посох, окрашенный в черный цвет из обугленного растения. Навахо раскрашивают свои тела тем же растением. Верхушка

посоха украшена хвостом индейки, привязанным к посоху белым хлопчатобумажным шнуром; перья орла и индейки попеременно прикреплены к посоху шнуром.

Нааскидди расположены к северу и югу от картины; они несут посохи из молний, украшенные орлиными перьями и солнечными лучами. Их тела обнажены, за исключением набедренной юбки; их леггинсы и мокасины такие же, как у остальных. Горб на спине представляет собой черное облако, а три группы белых линий обозначают кукурузу и другие семена растительности. Пять орлиных перьев прикреплены к спине облака (орлы живут среди облаков); тело окружено солнечным светом; красные и синие линии, окаймляющие пучок на спине, обозначают солнечные лучи, проникающие сквозь грозовые тучи. Черный круг, зигзагообразно обведенный белым вокруг головы, представляет собой облачную корзину, наполненную кукурузой и семенами травы. По обе стороны головы расположены по пять перьев красного хвостовика (*Colaptes cafer*); к правой стороне горла прикреплена лисья шкура; рога горного барана увенчаны нижними рулевыми перьями орла, перевязанными хлопчатобумажным шнуром. Рога наполнены облаками. Богиня радуги, на которой эти боги часто путешествуют, завершает картину.

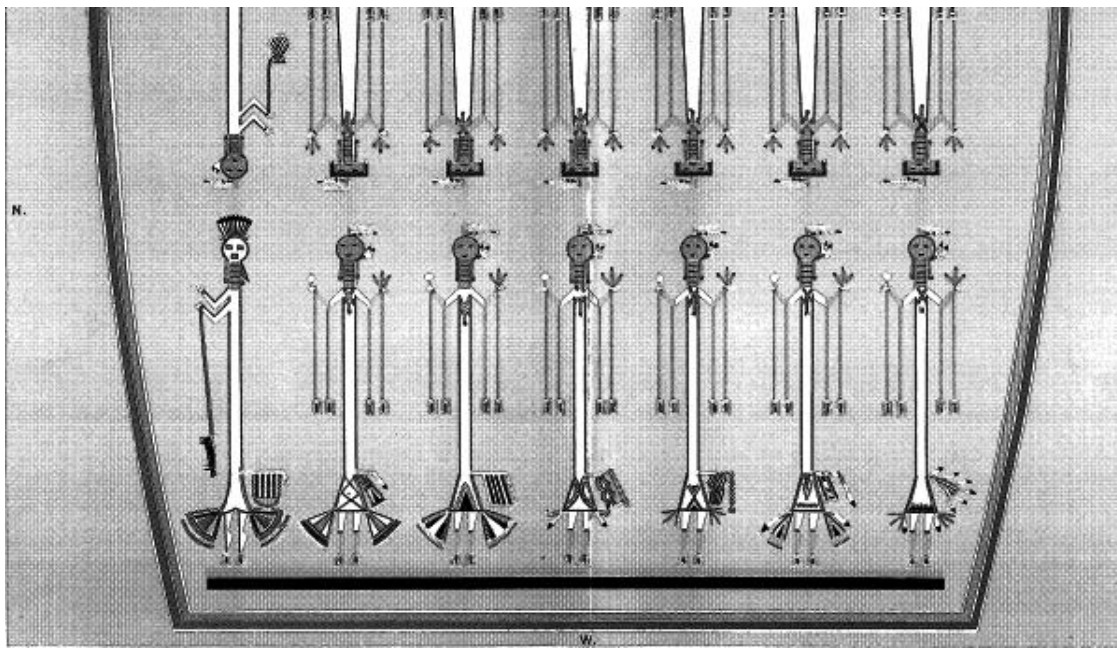
По завершении картины певчий жрец, стоявший к востоку от нее, держа в руке мешочек со священной мукой, осторожно прошел между фигурами, посыпая пылью ступни и сердце каждой. Затем он посыпал пылью каждую щеку и середину лица фигурок, после чего протянул правую руку на восток. Лицо богини-радуги, окружающее фигуру, также было посыпано. Певчий жрец поместил священные жезлы вокруг радуги, начиная с западной стороны картины, и повторил молитву, указывая пальцем на голову каждой фигуры. Он также вложил в руки богини радуги маленькую тыквенную бутылку с лечебной водой и положил на тыквенную бутылку маленькую кедровую веточку. Инвалиду при входе в домик вручали корзину апачей со священной едой, которой он посыпал картину и поставил корзину у ног богинь радуги; певчий священник и хор пели под аккомпанемент погремушки. Вскоре после появления инвалида появился Хасджелти и, достав вечнозеленое растение из тыквы, окунул его в лечебную воду и окропил ступни, сердце и головы песочных фигурок, после чего инвалид сел в центре креста. Хасджелти дал ему глотнуть священной воды из тыквы и вернул тыкву на место; затем он поочередно коснулся правой рукой ступней, сердца и головы каждой фигуры, каждый раз прикасаясь к соответствующим частям тела инвалида. Каждый раз, когда Хасджелти прикасался к инвалиду, тот странно ухал. После того, как к нему прикоснулись песком со всех картин, теург, выбрав несколько тлеющих углей из небольшого костра, который поддерживали у двери, бросил их перед инвалидом, который все еще занимал свое место в центре картины. Теург положил на угли травы, которые достал из сумки из оленьей кожи, от которых исходил очень приятный аромат. Служитель побрызгал водой на угли и через мгновение выбросил их из отверстия для костра. Певчий жрец собрал жезлы по краям картины, и четверо служителей начали стирать ее, соскребая песок от сторон света к центру. И снова люди поспешили снять песок с сердец, голов и конечностей фигур, чтобы натереть себя. Песок собрали в одеяло и положили у основания сосны примерно в ста ярдах к северу от домика. Церемония завершилась песнопением.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Первым делом дня была подготовка сложной картины из песка, и хотя художники усердно работали с рассвета, она была завершена только после трех часов. Красильщик был постоянно занят, чтобы снабжать художников краской. Было замечено, что при рисовании некоторых линий художники использовали нитку натянутой пряжи вместо ткацкой палочки. Когда пять фигур были закончены, шестеро молодых людей вошли в вигвам, сняли одежду и побелили свои тела и конечности каолином; затем они покинули вигвам, чтобы попросить еды у людей, которые теперь довольно плотно собрались на холме, чтобы стать свидетелями церемонии закрытия. Вершина плато на милю вокруг была заполнена индейцами, лошадьми, овцами и хоганами (вигвамами); тут и там можно было увидеть группы от 3 до 20 индейцев, играющих в азартные игры, в то время как пешие и конные скачки представляли особый интерес. Действительно, люди, как правило, развлекались за счет инвалида. Богиня радуги Натцилит, окружающая картину, была около 25 футов в длину. По завершении работы над картиной жрец-песенник посыпал фигуры пылью, как описано выше, и расставил вокруг рисунков палочки из перьев.

На иллюстрации к этой картине, стр. СХХIII, Хасджелти будет признан лидером. Он несет шкуру оленя, наполненную священной едой; пятен на шкуре семь и они в форме большого медведя. Шкура оленя указывает на то, что он вождь всей дичи. Игру создал Хасджелти. Первые шесть фигур, следующих за Хасджелти, - это Этсетле. Следующие шесть фигур - их жены. Тоненнили, разбрызгиватель воды (to, поливать и yonily - разбрызгивать), следует за ним, неся кувшин с водой, из которого он поливает землю. Этсетле носят леггинсы из кукурузной пыльцы, и предплечья богов покрыты пылью. У их жен руки и тела покрыты такой же пылью. Юбки этсетля искусно орнаментированы, а мешочки по бокам украшены множеством бусин, перьев и бахромы. Боги идут по черным облакам и туману (желтый цвет обозначает туман), женщины - по синим облакам и туману.

Во время церемонии принесли корзину апачей с едой и поставили к ногам богини радуги. Инвалид вошел в ложу, которая была полностью заполнена привилегированными зрителями, и, получив корзину с едой, сыпал фигуры слева направо; затем он снял всю свою одежду, кроме набедренной повязки, и встал к востоку от картины. Хостджогон подошел к голове богини радуги и, взяв маленькую тыкву с лечебной водой, окунул кедровую веточку в воду и окропил фигурки, затем прикоснулся веточкой к ступням, сердцу и голове каждой фигурки, начиная с мужской фигуры на севере и проходя на юг, затем начиная с женских фигур на севере и проходя на юг. Инвалид занял свое место в центре картины, подтянув колени к подбородку. Хостджогон поднес тыквенный сосуд с лекарством к каждой фигурке и передал его инвалиду, который сделал четыре глотка, причем Хостджогон улюлюкал каждый раз, когда передавал тыквенный сосуд инвалиду. Вернув тыкву и веточку в прежнее положение, он приложил ладони к ступням и голове каждой фигуры, а затем положил ладони на соответствующие части тела инвалида и несколько раз сжал его голову между ладонями. Прикоснувшись к любой части тела инвалида, Хостджогон вскинул руки вверх и издал один из своих характерных криков. Певчий жрец положил перед больным угли и травы на них, как он делал накануне, а затем удалился. После этого угли были выброшены из отверстия для костра, и толпа бросилась к картине, чтобы натереть свои тела песком. Картина была стерта обычным способом, а песок вынесен и оставлен у основания сосны примерно в 200 ярдах от домика.

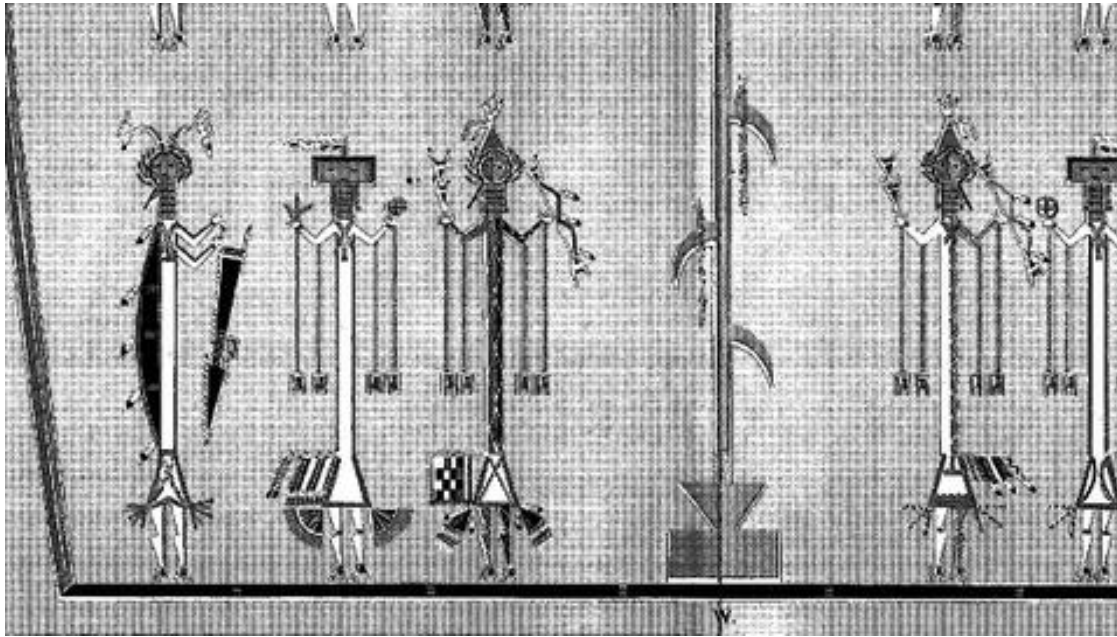

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ.

Растирание краски началось при дневном свете, и только на рассвете художники приступили к своей работе. Когда случалась какая-либо ошибка, что случалось очень редко, ее устраняли, нанося поверх основного цвета. Каждый художник старался первым закончить свой особый рисунок, и заключались серьезные пари относительно того, у кого получится. Скорость, с которой наносятся эти краски, весьма примечательна, особенно потому, что большинство линий прорисовываются исключительно глазом. После завершения росписи, каждая фигура которой была длиной в три с половиной фута, певчий священник посыпал ее кукурузной пылью. (См. иллюстрацию, стр. СХХIII.)

Кукурузный стебель на картинке обозначает основное средство существования; квадратное основание и треугольник - облака, а три белые линии у основания кукурузного стебля обозначают корни кукурузы. Фигуры на этой картине каждая 3-1 / 2 фута в длину. Это зеничи (люди белой скалы с красной полосой на ней) и их жены. Их дома расположены высоко в стене каньона. Черный параллелограмм к западу от картины обозначает красную полосу в скале, на которой расположены их дома. Тонкие белые линии обозначают их дома, которые находятся внутри или в глубине скалы и не видны с поверхности. Эта стена каньона расположена к северу от горы Утэ. Эти люди скал летают в воздухе, как птицы. Красная часть тела зеничей обозначает красную кукурузу; черная часть - черные облака. Красная половина лица символизирует также красную кукурузу; синяя окраска тел у остальных обозначает растительность в целом, а желтая - пыльцу всей растительности. Зигзагообразные линии тела - это молния; черные линии вокруг головы, окаймленные белыми зигзагами, - это корзины для облаков, в которых хранится красная кукуруза, уложенная пирамидальной формой и увенчанная тремя орлиными перьями. По обе стороны головы есть пять перьев с красно-черной рукоятью flicker (*Colaptes cafer*). В левой руке он держит лук-молнию, в правой - погремушку, украшенную перьями. Женщины несут в руках украшенные корзинки и веточки пиньона, на них белые леггинсы и расшитые бисером

мокасины. Зеничи никогда не танцуют. Этих богов также называют Заадолджаи, что означает грубый рот или все, что грубо выступает из рта. (Рот и глаза этих богов выступают.) Богиня радуги представлена в северной и южной частях картины. У кукурузного стебля два початка, в то время как у первоначального стебля было 12 початков. Два таких уха боги подарили младшему брату толчини, когда приказали ему вернуться к навахо и научить их, как изображать богов в рисовании песком и в масках. Четыре угловые фигуры будут распознаны как наашидди (горбун, или горный баран).

Во время церемонии Хасджелти, одетая в черный бархат, украшенный серебром, и в костюме Ведущей, ее обнаженное тело выкрашено в белый цвет, а чресла обвиты шелковым шарфом, перехваченным серебряным поясом, покинула вигвам, чтобы собрать детей на горе с целью их инициации; но детей уже вызвали мужчины, которые объехали гору верхом, посетив каждый хоган, чтобы убедиться, что все дети были доставлены для инициации. В конце аллеи, которая тянулась от домика целителя примерно на триста ярдов, была расстелена бизонья шкура. Верхняя часть халата была обращена на восток; в конце халата одеяла были расстелены полукругом. Большинство детей были в сопровождении своих матерей. Мальчиков раздели и усадили на бизонью шкуру. Голова шеренги находилась к северу, все они смотрели на восток, вытянув ноги. Их руки свисали вдоль туловища, а головы были наклонены вперед. Девочки сидели в ряд на одеяле в компании своих матерей и матерей мальчиков. Сопровождать своего ребенка или не принимать участия в церемонии - это исключительно вопрос выбора матери. Девочки также сидели, как и мальчики, наклонив головы вперед. Их головы были опущены, чтобы они не могли смотреть на богов до тех пор, пока не пройдут посвящение. Предполагалось, что до этого времени они никогда не рассматривали маски вблизи и не изучали ничего, относящегося к их религиозным церемониям. Возраст детей варьировался от пяти до десяти лет. На этой конкретной церемонии были посвящены девять мальчиков и шесть девочек. Когда все дети заняли свои места, Хасьелти, неся шкуру олененка со священной едой, и Хостдjobорд, неся две иглы от испанского штыка, встали перед детьми. Мальчика, стоявшего во главе очереди, вывели наружу, и он встал лицом к востоку. Хасджелти вместе со священной

трапезой изобразил на груди крест, одновременно издав свой особый свист. Хостджобоард ударила его в грудь сначала иглами, которые держала в правой руке, а затем теми, что держала в левой. Затем Хасджелти повернул мальчика направо, пока тот не повернулся лицом на запад, и изобразил крест с мукой на спине, когда Хостдjobорд дважды ударил его иглами по спине. Его снова повернули лицом на восток, вытянув и сведя вместе обе руки. Хасьелти перекрестил руки, а затем колени. Каждый раз, когда мальчик пересекался с хозяином трапезы, Джобборд ударял по этому месту сначала иглами в правой руке, а затем иглами в левой, после чего мальчик возвращался на свое место. Крест обозначает узел на голове. Большинство мальчиков довольно храбро шли навстречу наказанию. Я заметил только одного, который казался очень нервным и с большим трудом сдерживал слезы. Церемония для мальчиков закончилась, боги подошли к девочкам, начав с конца шеренги рядом с мальчиками. Хасджелти обозначила линию муки с каждой стороны ступни девушки, когда Хостджобоард, теперь державшая два початка желтой кукурузы, обернутых веточками пиньона, приложила их к подошвам ног девушки, а Хасджелти нарисовала линию муки на каждой руке; после чего Хостджобоард положила початки кукурузы на ладони рук, держа кукурузу в ладонях и прижимая ее к ладоням рук девушки. Хасджелти изобразил на груди крест из угощения, и хозяин дома прижал к груди два початка кукурузы; на спине был сделан крест, а к спине прижаты два початка кукурузы. Затем Хасджелти правой рукой провел линию на левом плече девушки, а левой рукой - линию на правом плече девушки, прижимая мозоль к плечам описанным способом. Две полоски муки были проложены по лбу обратно к макушке, а два початка кукурузы прижаты к макушке. Мальчики были обнажены, но девочки были нарядно одеты в одеяла, украшения и т.д. В конце этой церемонии представители богов сняли свои маски и призвали детей поднять головы. Изумление, отразившееся на лицах детей, когда они обнаружили свой собственный народ, а не богов, немало позабавило зрителей. Маски разложили на одеяле, и девочкам и мальчикам было приказано посмотреть на них. Ведущая надела свою маску на лицо каждому мальчику, девочке и женщине в очереди, начиная с северного конца очереди, издавая гудки каждый раз, когда на кого-то надевали маску. Было приложено большое внимание к тому, чтобы маска была расположена на лице таким образом, чтобы глаза могли смотреть прямо через прорезы для глаз, поскольку в случае какой-либо оплошности зрение по крайней мере одного глаза было бы потеряно. Едва ее надевают, как ее снимают. После того, как маски были надеты на все лица, ее кладут рядом с маской Хасьелти. Мужчина, изображающий Хасджелти, посыпал пылью свою маску, а затем маску Hostjboard, а мужчина, изображающий Hostjboard, посыпал пылью маску Хасджелти, а затем свою собственную. Мальчика, стоявшего в северном конце очереди, подозвали, он достал из мешка щепотку пыли и посыпал сначала маску Хасьелти, а затем маску Хостиоборда. Это повторяли каждый мальчик, девочка и женщина в очереди. Подходя к маскам, они всегда обходят очередь с северной стороны, а затем становятся перед масками. Маску посыпают следующим образом: линия пыли проводится от макушки головы вниз ко рту; обходя справа, линия проводится вверх по левой щеке; рука продолжает движение за пределами маски к точке под правой щекой, затем вверх по правой щеке. Руками младших детей руководили представители богов. Посыпать каплю муки на отверстия для глаз было бы большой гибелью; человек, совершивший такую ошибку, ослеп бы по крайней мере на один глаз. Большое внимание также уделяется тому, чтобы линия проходила по щеке, потому что, если бы она была проложена вниз, не только растительность была бы низкорослой, но и жизнь людей стала бы такой же, поскольку все люди и вещи должны стремиться вверх, а не вниз. Линия, проходящая через центр лица, призывает вышних богов ниспослать дождь на землю и здоровье всем людям. Двое или трое детей по незнанию начали размазывать еду по одной из

щек; Хасджелти немедленно остановил их, но только после того, как наблюдавшие за этим люди выразили великий ужас. После прохождения этой церемонии все стоявшие в очереди зрители сбрызгивали маски таким же образом. Меня попросили сбрызнуть их, и в то же время мне было специально поручено провести линии вверх по щекам. На этом церемония посвящения завершилась. Затем мальчикам разрешили ходить по кругу по желанию и разглядывать маски, а также войти в домик и посмотреть на рисование песком. Хасджелти и Хостджоборд вернулись в сторожку, держа в руках свои маски.

Примерно через час после церемонии посвящения детей на аллее была расстелена большая бизонья шкура головой на восток, вокруг которой собрались всадники и пешеходы, жаждущие стать свидетелями церемонии выезда. Теург и инвалид сидели снаружи сторожки, к югу от входа. Божествами, олицетворявшимися в этом случае, были боги Хасджелти и Таадотджаи, а также богиня Тебахди. Хаскьелти был одет в черный бархат и серебряные украшения, с красным шелковым шарфом вокруг талии. Таадотджаи был обнажен, его тело было выкрашено в красноватый цвет. Конечности и тело были испещрены белыми зигзагами, изображавшими молнию и пушистые перья на груди орла, а в правой руке он держал погремушку из тыквы, лишенную украшений. Йебахди была одета в обычное платье скво и мокасины со множеством серебряных украшений, а на плечах у нее было большое одеяло, доходившее до земли. Хасджелти подошел к танцующему и посыпал мукой шкуру бизона, и инвалид встал на эту шкуру. Хасджелти, сопровождаемый Заадолтджаи, снова вошел в круг и посыпал одежду мукой. Следующая за ней богиня Йебахди стояла внутри круга примерно в 20 футах от одеяния с восточной стороны и смотрела на запад. Хасджелти, среди улюлюканья и ругани, посыпал инвалида мукой, вскинув обе руки вверх. Немедленно Заадолтьяи, со стрелой в левой руке и погремушкой в правой, вскинул обе руки над инвалидом среди криков и ужимок. Затем они перешли к Йебахди, которая обеими руками держала корзину с двумя желтыми початками кукурузы, обернутыми сосновыми веточками, которые использовались в детской церемонии, и позволяла себе подобные выходки над богиней. Когда каждый представитель богов вскинул руки, она подняла свою корзину высоко над головой. Затем Хасджелти вместе с Заадолтджаи и Йебахди обошли по кругу остальные три точки компаса. В каждый момент Йебахди занимала свою позицию примерно в 20 футах от шкуры буйвола, когда Хасджелти и Заадолтджайи повторяли свое действие над инвалидом, а затем над Йебахди каждый раз, когда она поднимала корзину. Затем инвалид вошел в вигвам, за ним последовали представители богов, которые позаботились о том, чтобы снять маски, прежде чем войти. Инвалид сел на кукурузный стебель в центре картины из песка лицом на восток. Заадолтджаи наступил на картину и, взяв из рук богини радуги маленькую тыквенную тыкву с лекарством, окунул кедровую веточку в лечебную воду и окропил картину, начиная с южной стороны. Заадолтджаи дал больному глотнуть из тыквы и, размахивая тыквой слева направо, образовал круг, сопровождаемый самыми дикими криками. Он дал инвалиду еще три глотка, каждый раз размахивая тыквой вокруг инвалида, указывая на восток. Затем он положил ладонь на ступни всех фигур, начиная с фигуры на южном конце, западная сторона; пробегая вверх по этой линии, он начал с фигуры на северном конце восточная сторона, пробегая вниз по этой линии; затем он приложил руки к подошвам ног инвалида, дважды прокричав; затем таким же образом коснулся сердца инвалида ладонью правой руки, при этом левую руку положил ему на спину. На тело надавили таким образом четыре раза под громкие крики. Это повторилось с больным. После прикосновения к каждой фигуре на картине правую руку прикладывали ко лбу инвалида, а левую - к затылку, и таким образом надавливали на голову со всех сторон. Певчий священник

клял перед больным горящие угли и посыпал их табаком и водой, пары которых больной вдыхал. Затем служитель выбросил угли из отверстия для костра, и певчий священник собрал двенадцать индюшачьих палочек со всех сторон картины, в то время как обитатели ложи поспешили вперед, чтобы прижать руки к тому, что осталось от фигур, затем, вдохнув из ладоней, они прижали их к своим телам, чтобы исцелиться от любых недугов, моральных или физических, после чего четверо мужчин собрались по сторонам света и смели песок в центр картины, и, завернув его в одеяло, положили его недалеко от ложи.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Окончательное украшение масок лентами, перьями и т.д. Начиналось на восходе солнца и занимало большую часть утра. Около полудня были раскрашены две палочки диаметром 1 дюйм и длиной 6 дюймов; одна, из пиньона, была выкрашена в черный цвет, другая, из кедра, - в красный. Были изготовлены три пробирки для лекарств: одна черная, одна красная и одна синяя. Их положили в корзину, наполовину заполненную мукой; корзина стояла в нише позади певчего жреца. Двое мужчин олицетворяли Найенесгони и Тобайдишинни. Тело Найенесгони было выкрашено в черный цвет (из-за углей сгоревшего сорняка, образцы которого были добыты), а на внешней стороне его ног ниже колена, на плечах, груди и лопатках были луки белого цвета, но без стрел. На теле Тобайдишинни был изображен белый узел на голове относительно бантиков на Найенесгони. Третий мужчина, олицетворяющий бирюзового цвета гермафродита Асоннутли, был одет в обычное платье скво с одеялом, накинутым на плечи и достигающим до земли. Ее маска была синей. Все трое вышли из сторожки, держа в руках маски. Пройдя некоторое расстояние по аллее на восток, они надели маски и вернулись в сторожку. Перед сторожкой была расстелена шкура бизона. Как только люди в масках вернулись, инвалид, завернутый в прекрасное красное одеяло индейцев навахо и несущий корзину со священной едой, наступил на рясу; до этого он стоял перед вигвамом рядом со священником-песенником. Многочисленные пешие и конные зрители, закутанные в свои богатые одеяла, создавали блестящее окружение для этой церемонии, которая состоялась как раз при постановке сына. Найенесгони держал в правой руке большой кельт из лавы, выкрашенный в белый цвет. Следующим шел Тобайдишинни, неся в правой руке черную деревянную палку, приготовленную утром, а в левой - красную палку. Асоннутли последовал за ним с луком и стрелами в левой руке и одной стрелой в правой, с колчаном, перекинутым через плечо.

Найенесгони подошел к больному так близко, что их лица почти соприкоснулись, и направил свой кельт в его сторону. Затем подошла Тобайдишинни и таким же образом направила на него палки, после чего к нему подошла Асоннутли со своим луком и стрелами. Это повторялось с южной, западной и северной сторон от больного; каждый раз больной частично поворачивал руку, плечо и спину, чтобы посыпать богов мукой. Затем боги бросились ко входу в домик целителя, повторив церемонию там, когда они поспешили к южной стороне домика (больной вернулся в домик; слуга внес бизонью шкуру). Боги прошли с южной стороны ложи на запад, а затем на север, совершая ту же церемонию. Поскольку инвалид провел много дней в ложе и

болезнь во время ежедневных церемоний исходила из его тела, было сочтено необходимым, чтобы эти боги отправились по четырем сторонам света и забрали болезнь из ложи. Когда они вошли в вигвам, бизонья шкура была расстелена перед певчим жрецом головой на север. На этом одеянии каждый бог преклонил свое левое колено, Найенесгони - на северном конце одеяния, Асоннутли - на южном, а Тобайдисчинни - между ними, все лицом на восток. Певчий священник, сопровождаемый инвалидом, вышел в начало очереди, неся корзину с тюбиками с лекарствами. Он сыпал Найенесгони кукурузной пылью, проводя ею вверх по правой руке над головой и вниз по левой руке до кисти. Он положил черную трубку на ладонь левой руки бога, а священник все это время читал молитву. Красная трубка с той же церемонией была вручена Тобайдишинни, а синяя трубка с той же церемонией - Асоннутли. Колчан был снят с Асоннутли еще до того, как она опустилась на колени. Певчий жрец, преклонив колени перед Найенесгони, повторил длинную литанию с ответами больного, когда боги покинули вигвам во главе с Найенесгони, который спрятал свою трубку и посох в дереве пиньон, Тобайдисчинни спрятал свои в кедре, а Асоннутли - свои в гуще кустарника.

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Сцена была блестящей. Задолго до начала танцев по обе стороны аллеи, где должны были состояться танцы, горели четыре огромных костра, и мужчины и женщины навахо, одетые в свои яркие одеяла и украшенные редкими бусами и серебром, окружали каждый костер. Бревна были сложены штабелями высотой 5 или 6 футов. В дополнение к этим восьми кострам поблизости и вдали горело множество других, вокруг которых собирались группы игроков, веселых и счастливых. До этой ночи ни одна женщина, кроме тех, кто приносил еду в вигвам, не присутствовала ни на одной из церемоний, за исключением посвящения детей. Сказать, что там было 1200 навахо, было бы преувеличением. Это действительно была картина, которую никогда не забудешь. Много было возражений против того, чтобы мы рисовали и писали, но на протяжении девяти дней жрец-песнопевец непоколебимо поддерживал нас. Один вождь, в частности, осудил теурга за то, что тот позволил записать лекарство на бумаге и доставить в Вашингтон. Но его слова ничего не дали. К нам относились со всем уважением. Нам разрешили взять маски в руки и внимательно рассмотреть их, и временами художники, работающие над рисованием песком, действительно доставляли себе неудобства и позволяли нам теснить их, чтобы мы могли поближе рассмотреть множество мельчайших деталей, которые иначе невозможно было бы разглядеть, поскольку многие цветочные линии в украшениях юбок и поясов были похожи на нити. Прилагаемые эскизы демонстрируют каждую деталь.

Гримерная представляла собой круглую ограду из сосновых веток в конце аллеи. Он был примерно 10 футов в высоту и 20 футов в диаметре, сделанный из веток пиньона, торцы которых были воткнуты в землю, а верхушки образовывали кустарник или живую изгородь. Внутри этого помещения маски были разложены в ряд с западной стороны. В центре горел большой костер, дающий тепло и свет. Различные декорации, когда нужно было произвести переодевание одной группы мужчин в другую, были перенесены в эту зеленую комнату для этой цели. Это место также было ночным убежищем для многих индейцев, которые помогали танцорам в их туалетах.

В 10 часов церемония открылась появлением на аллее певчего священника, вышедшего из зеленой комнаты. На нем было богатое красное одеяло, а поверх него шкура горного льва; сразу

за ним следовал Хасджелти, ведя за собой четырех Эцетле (первых). Это, во-первых, натан (кукуруза); во-вторых, натин (дождь); в-третьих, наназа (растительность); в-четвертых, жадетин (пыльца кукурузы). Их маски были голубыми, украшенными перьями, и были похожи на маски, которые носили танцовщицы; их тела были выкрашены в белый цвет, на шеях висело множество редких бусин, и они носили набедренные юбки с серебряными поясами; сзади к поясу была прикреплена подвеска из шкурки серой лисы, а синие чулки, подвязанные красными подвязками, и мокасины дополняли их наряд. В правых руках они держали тыквенные погремушки, выкрашенные в белый цвет. Ручки у них могут быть из любого сорта дерева, но они должны быть выбраны с какого-нибудь дерева, рядом с которым ударила молния, но не из древесины дерева, в которое попала молния. В ладонях их левых рук была кукурузная пыльца, и в той же руке они держали также ветку пиньона. Хасьелти был одет в бархатный костюм, украшенный серебряными пуговицами; он никогда не разговаривает иначе, как знаками. Они продвигались гуськом, медленным размеренным шагом, и когда до сторожки оставалось 20 футов, священник повернулся лицом к Хасджелти и повторил короткую молитву под пение Эцетле.

ПЕСНЬ ОБ ЭЦЕТЛЕ.

Из-под земли растет моя кукуруза

Я иду с тобой.

Сверху вода молодая (приходит)

Я иду с тобой.

Сверху растительность (спускается на землю)

Я иду с тобой.

Из-под земли поступает пыльца кукурузы

Я иду с тобой.

Эти строки повторяются четыре раза. Первая строка указывает на то, что кукуруза является основным источником пропитания; вторая, что необходимо молиться Хасьелти о поливе земли; третья, что земля должна быть освещена солнцем, чтобы появилась растительность; четвертая, что пыльца необходима во всех религиозных церемониях. Эцетле означают удвоение основных вещей, под названиями которых они известны, кукурузы, злаков и т.д., Это мистические люди, которые невидимо обитают на склонах каньона. После песни инвалид с корзинкой для еды в руке поспешно прошел вдоль шеренги богов и посыпал каждого мукой, передавая ее из правой руки в правую руку, в голову, затем вниз по левой руке в кисть, кладя щепотку на ладонь левой руки. Затем инвалид вернулся и встал с северной стороны от Хасджелти, который был слева от певчего священника. Теург встал лицом к натану (кукурузе) и вознес молитву, которую повторил инвалид. Инвалид должен соблюдать воздержание в течение девятидневной церемонии и в течение четырех последующих дней.

МОЛИТВА ЭЦЕФАЛУ.

"Люди, вы приходите навестить нас; у вас есть дом в сердце скал; вы главный среди них; вы прекрасны. Заходите в наши дома. Твои ноги белые; войди в наш дом! Твои ноги белые; войди в наш дом! Твои тела белые; войди в наш дом! Твое лицо белое; войди в наш дом! Старик, этот мир прекрасен; люди смотрят на тебя, и они счастливы. Пусть в этот день все будет прекрасно".

Эта молитва повторяется много раз, просто заменяя старика старухой, затем юношей, молодой девушкой, мальчиком, затем всеми детьми. Старик и женщина, о которых говорится, не первые старик и женщина в мифе о старике и женщине первого мира. После молитвы певчий священник и инвалид заняли места у входа в домик. Хасджелти занял свою позицию на западной оконечности и к северу от линии Эцетле. Он продолжал стоять, в то время как все четверо медленно подняли правую ногу прямо от земли, затем на носок левой ноги, отчего погребушка затряслась. Через короткое время Хасьелти с улюлюканьем прошел по линии. Он обошел ист-энд, затем вернулся по северной стороне на свою прежнюю позицию и, снова улюлюкая, возобновил руководство Эцетле, который долго тряс погребушкой, как только Хасджелти встал перед ними. Затем они последовали за своим лидером в раздевалку.

ЗАВЕРШЕНИЕ - ТАНЕЦ.

Певчий жрец вернулся в зеленую комнату и вышел оттуда в сопровождении Хасджелти, который нес шкуру олененка, частично наполненную мукой, а также двенадцати танцоров и Хостджогона, державших в каждой руке по палочке из перьев. Двенадцать танцоров представляли старика и женщину в шести дублированных образах. Хасджелти вел танцоров, а Хостжогон следовал в арьергарде. Когда они подошли к вигваму, певчий жрец повернулся лицом к танцующим, и когда к нему присоединился инвалид, он повел его вдоль ряда танцующих с северной стороны, причем инвалид нес корзину со священной едой, и окропил правую сторону каждого танцора. Затем певчий священник и инвалид вернулись на свои места перед ложей. Хасджелти прошел вдоль линии с северной стороны и присоединился к Хостджогону на восточном конце линии, затем оба прошли к западному концу, где каждый старался первым дважды стукнуть по земле непосредственно перед ведущим танцором. Это двойное клеймо дается с гиканьем, а затем они возвращаются вниз по линии к центру, когда Хасьелти бросается обратно к западному концу, обхватывая горло оленьей шкуры правой рукой и удерживая ноги левой, вытянув обе руки вперед. Хостджогон вытягивает руки с палочками из перьев в них, они направляют кожную головку и верхушки палочек прямо перед собой, стоя лицом друг к другу и одновременно улюлюкая. Поменявшись сторонами, проносясь мимо друг друга, Хасджелти указывает своей палочкой на восток, в то время как Хостджогон указывает своими волшебными палочками на запад. Затем они возвращаются на свои соответствующие позиции лидера и последователя.

После начала танца Хасджелти проходит по северной стороне и присоединяется к Хостджогону в восточном конце танцующих, Хасджелти держится северной стороны Хостджогона. Трое мужчин, представлявших женщин, были одеты в платья индейцев навахо, а трое из них - в платья индейцев тусаян; они держали руки горизонтально до локтя, а предплечье вертикально и, держа ноги близко друг к другу, одновременно приподнимались на цыпочки. Танец начался гуськом, мужчины поднимали на любую высоту только правую ногу и балансировали на левой.

Через минуту или две очередь распалась, женщины перешли на северную сторону, а мужчины - на южную; однако почти мгновенно они сбились в беспорядочную толпу, женщины несли по сосновой ветке в каждой руке, а мужчины - тыквенную погремушку в правой и сосновую веточку в левой. Тела мужчин были выкрашены в белый цвет и были обнажены, за исключением шелковых шарфов, шкур горных львов и других животных, обернутых вокруг чресел. Непосредственно перед топаньем ног в начале танца все танцоры-мужчины потрясали погремушкой, что было сигналом к своеобразному движению правой руки и тела назад, предшествовавшему самому танцу. Шестеро самцов наклоняют свои тела в правую сторону, отводя правую руку назад, а затем с уханьем подносят ее круговым движением ко рту. Затем они поворачиваются лицом к востоку и, наклонив свое тело к югу, выполняют то же движение, что и раньше, когда они поворачиваются к западу и повторяют его в этом направлении. В то же время лидер и последователь повторяют свое своеобразное представление с палевыми палочками на восток и запад. Несколько мгновений они беспорядочно танцуют под песни и погремушки, мужчины, представляющие женщин, поют женскими тонами, затем они снова выстраиваются в две шеренги, женщины, как и раньше, на северной стороне. Мужчина на западном конце мужской линии и женщина на том же конце женской линии, встречаясь друг с другом на полпути между линиями, она пропускает свою правую руку через руку своего партнера, его рука согнута, чтобы принять ее; они проходят между линиями, и на небольшом расстоянии от другого конца линии их встречают Хаджелти и Хостджогон, которые танцуют им навстречу, движение, очень напоминающее старомодный *Virginia reel*. Затем пара танцует назад между рядами к своей исходной точке, затем снова вниз, когда они расходятся, мужчина занимает свое место в конце мужской линии, а женщина - в конце женской. Эта пара начинает спускаться во второй раз, следующие в очереди мужчина и женщина берутся за руки и спускаются таким же образом, Хасджелти и Хостджогон, едва дождавшись, пока первая пара разойдется, танцуют навстречу второй паре; остальные пары следуют в том же порядке, пока первая пара не окажется на своем прежнем месте во главе очереди. Теперь в течение минуты или двух исполняется групповой танец, после чего снова выстраиваются ряды, и танцуется вторая фигура, точь-в-точь похожая на первую. Эта фигура снова была повторена без изменений, после чего мужчины и женщины выстроились в шеренгу и, возглавляемые Хасджелти и сопровождаемые Хостжогоном, покинули танцплощадку. Однако они не пошли на лужайку, а отошли на небольшое расстояние, чтобы немного отдохнуть, и вернулись. После каждого возвращения инвалид проходил вдоль строя с северной стороны, посыпая каждого танцора мукой, Хасджелти и Хостджогон выступали с палочками и кожей олененка. Этот танец из четырех фигур повторялся двенадцать раз, каждый раз танцоры отдыхали лишь на мгновение. После двенадцати танцев танцоры перешли в зеленую комнату, где их сменила вторая группа мужчин. Вторая серия танцев была точь-в-точь как первая. Всего было двадцать один танец, по четыре фигуры в каждом, и каждый раз, когда танцоры появлялись, инвалид посыпал их едой, в то время как Хасджелти и Хостджогон исполняли свои ужимки с палочками и кожей олененка. Третья серия включала в себя все танцы, точно такие же, как вышеописанные. Четвертая серия включала девятнадцать танцев. Единственным отличием было то, что ведущие часто вели себя более клоунски в своих выступлениях, и в нескольких случаях выступали только четверо мужчин, представлявших женщин. В этом случае двое мужчин танцевали вместе. Некоторые танцоры выбыли из-за усталости, что привело к уменьшению количества сетов. Последний танец закончился с первыми лучами солнца. Певчий жрец прошел в зеленую комнату впереди последних танцоров и ждал их прибытия, чтобы получить маски, которые были его особой собственностью.

МИФЫ ПЛЕМЕНИ навахо.

СОТВОРЕНИЕ СОЛНЦА.

Первые три мира не были ни хорошими, ни здоровыми. Они все время двигались, и у людей кружилась голова. Поднявшись в этот мир, навахо обнаружили только тьму и сказали: "У нас должен быть свет".

На горе Уте жили две женщины, Асоннутли, бирюзовый гермафродит, и Йолайкайасон, женщина в белой раковине. Навахо послали за этими двумя женщинами, которые сказали им, что им нужен свет. Навахо уже частично разделили свет на несколько цветов. Рядом с полом был нанесен белый цвет, обозначающий рассвет, на белом был нанесен голубой цвет, обозначающий утро, на сине-желтом - закат, а рядом был нанесен черный цвет, обозначающий ночь. Они долго и непрерывно молились об этом, но их молитвы ничего не дали. Прибывшие две женщины сказали людям набраться терпения, и в конце концов их молитвы будут услышаны.

У Найта был фамильяр, который всегда был у него на ухе. Этот человек сказал: "Пошлите за юношей к великому водопаду". Найт послал своим вестником падающую звезду. Вскоре появился юноша и сказал: "У Асоннутли, астьеохлтои (гермафродита), на правой груди белые бусы, а на левой - бирюзовые. Мы скажем ей возложить их на темноту и посмотрим, что она сможет сделать своими молитвами". Она так и сделала. Юноша с грейт-фоллс сказал Асоннутли: "Ты долгое время носил бусы из белых раковин и бирюзу; ты должен знать, что сказать". Затем кристаллом, обмакнутым в пыльцу, она нанесла глаза и рот на бирюзу и бусины из белой ракушки, и, образовав кристаллом круг вокруг них, она добилась слабого свечения бусины из белой ракушки и большего свечения бирюзы, но света было недостаточно.

На каждой из сторон света проживало по двенадцать человек. Послали за сорока восемью мужчинами. После их прибытия Асоннутли спела песню, мужчины сидели напротив нее; но даже в их присутствии песня не смогла обеспечить необходимый свет. Два орлиных пера были помещены на каждую щечку бирюзы, два - на щечки бусин из белых ракушек и по одному на каждую из сторон света. Двенадцать мужчин востока разместили двенадцать бирюзовых бусин на востоке от граней. Двенадцать мужчин юга разместили двенадцать бусин из белых ракушек на юге. Двенадцать мужчин запада поместили двенадцать бирюзовых бусин на западе. Жители севера поместили в это место двенадцать бусин из белых раковин. Затем кристаллом, обмакнутым в кукурузную пыльцу, они образовали круг, охватывающий все целиком. Желание все еще оставалось нереализованным. Затем Асоннутли поднес кристалл к бирюзовой грани, после чего он вспыхнул ярким пламенем. Люди отступили далеко назад из-за сильной жары, которая продолжала усиливаться. Людям из фор-пойнтс жара показалась настолько невыносимой, что они встали, но едва могли стоять на ногах, так как небеса были так близко к ним. Они посмотрели вверх и увидели две радуги, расположенные одна поперек другой с

востока на запад и с севера на юг. Головы и ступни радуг почти касались голов мужчин. Мужчины пытались поднять великий свет, но каждый раз им это не удавалось. Наконец появились мужчина и женщина, откуда они не знали. Мужчину звали Ацитсин, а женщину - Ацитсан. Их спросили: "Как можно поднять это солнце?" Они ответили: "Мы знаем; мы слышали, как люди здесь, внизу, пытались поднять его, и вот почему мы пришли". "Песнь" (солнечные лучи), - воскликнул мужчина, - "У меня есть песнь; у меня есть кристалл, из которого я могу зажечь песнь, и у меня есть радуга; с помощью этих трех я могу поднять солнце". Люди сказали: "Иди вперед и подними это". Когда он поднял солнце на небольшое расстояние, оно немного наклонилось и сожгло растительность и опалило людей, потому что оно все еще было слишком близко. Тогда люди сказали Ацитсину и Ацитсану: "Поднимите солнце выше", и они продолжали поднимать его, и все же оно продолжало сжигать все вокруг. Затем их призвали "поднять это еще выше, как можно выше", но после того, как была достигнута определенная высота, их силы иссякли; дальше это не продвигалось.

Затем пара сделала четыре шеста, два из бирюзовых и два из белых ракушек, и каждый выставила под солнце, и с помощью этих шестов двенадцать мужчин в каждой из сторон света подняли его. Они не могли поднять его достаточно высоко, чтобы не допустить возгорания людей и травы. Тогда люди сказали: "Давайте расширим мир"; поэтому двенадцать человек в каждой точке расширили мир. Солнце продолжало подниматься по мере того, как мир расширялся, и стало излучать меньше тепла, но когда оно достигло полудня, жара стала невыносимой, и люди сильно страдали. Они ползали повсюду в поисках тени. Затем голос Тьмы четыре раза обошел весь мир, призывая людей по сторонам света продолжать расширять мир. "Я хочу, чтобы все эти неприятности прекратились", - сказала Темнота. - "Люди страдают, и все горит; вы должны продолжать тянуться". И мужчины подули и потянулись, и через некоторое время они увидели прекрасный восход солнца, а когда солнце снова достигло меридиана, было только тропическое. Тогда все было как надо, и, насколько хватало глаз, земля была окружена сначала белым рассветом, затем синевой раннего утра, и все вокруг было прекрасно. И Асоннутли приказал двенадцати мужчинам отправиться на восток, юг, запад и север, чтобы поддерживать небеса (Йияницинни, держатели небес), и эту обязанность они должны выполнять по сей день.

ХАДЖЕЛТИ И ХОСТДЖОГОН.

Хасджелти и Хостджогон были детьми Асоннутли, бирюзы, и Йолайкайасон (женщины в белой раковине, жены солнца). Асоннутли положил початок белой кукурузы, а Йолайкайасон - початок желтой кукурузы на гору, где сходятся туманы. Кукуруза зачала, белая кукуруза дала жизнь Хасджелти, а желтая кукуруза - Хостджогону. Эти двое стали великими создателями песен в мире. Они подарили горе своего рождества (гора Генри в Юте) две песни и две молитвы; затем они отправились в Сьерра-Бланку (Колорадо) и исполнили две песни и молитвы, а также одели гору в одежду из белых ракушек с двумя орлиными перьями, расположенными вертикально на голове. Отсюда они посетили гору Сан-Матео (Нью-Мексико) и исполнили для нее две песни и молитвы, и одели ее в бирюзовый цвет, вплоть до леггинсов и мокасин, и водрузили на голову два орлиных пера. Поэтому они отправились на гору Сан-Франциско (Аризона), спели две песни и молитвы и украсили эту гору раковинами морских ушек с двумя орлиными перьями на голове. Затем они посетили гору Уте и прочитали ей две песни и молитвы, а также украсили ее черными

бусами. На голове этой горы также было два орлиных пера. Затем они вернулись на гору своего рождения, чтобы поразмышлять: "Мы вдвоем сочинили все эти песни".

Спросив своих матерей, как они появились на свет, и получив информацию, они сказали: "Что ж, пусть наше число увеличится; мы не сможем ужиться только вдвоем". Женщина положила на гору еще желтой и белой кукурузы, и дети были зачаты, как и прежде. Родилось достаточное количество людей, так что на каждой из четырех гор было по два брата, и для этих горных гениев облака были первыми. Все братья посоветовались между собой, на что им жить, и решили заняться дичью, и так была создана вся дичь.

Молитвы индейцев навахо о дожде и снеге адресованы Хасджелти и Хостджогону. Эти боги стоят на вершинах гор и призывают облака собраться вокруг них. Хасджелти - посредник между навахо и солнцем. Он молится солнцу: "Отец, дай мне свет твоего разума, чтобы мой разум был сильным; дай мне немного твоей силы, чтобы моя рука была сильной, и дай мне твои лучи, чтобы могла расти кукуруза и другая растительность". Именно к этому божеству обращены самые важные молитвы навахо. У меньших божеств молитвы короче, и им делаются менее ценные подношения. Хасджелти общается с навахо через пернатое царство, и по этой причине самые отборные перья и плюмажи вкладываются в сигареты и прикрепляются к предлагаемым ему молитвенным палочкам.

ПЛАВАЮЩИЕ БРЕВНА.

Мужчина сидел и думал: "Дай-ка мне подумать; мои песни слишком короткие; я хочу больше песен; куда мне пойти, чтобы найти их?" Появился Хаджелти и, прочитав его мысли, сказал: "Я знаю, куда ты можешь пойти, чтобы взять еще песен". "Что ж, я очень хочу получить больше, и я последую за вами". Когда они достигли определенной точки в самшитовом каньоне Большой реки Колорадо, они обнаружили четырех богов (Хостджобокон) за работой по рубке бревен из тополя. Хасджелти сказал: "Так не годится; древесина тополя пропитывается водой; вы должны использовать сосну вместо тополя". Затем Хозяин Джобокон начал растачивать сосну кремнем, когда Хасьелти сказал: "Это медленная работа", - и приказал вихрю выдолбить бревно. Иерусалимский крест был сделан из одного цельного бревна и одного полого. Певчий охотник вошел в полое бревно, и Хасьелти закрыл его конец облаком, чтобы вода реки не попала внутрь, когда бревна будут пущены по великим водам. Хозяева Джобокон в сопровождении своих жен ехали верхом на бревнах, по паре человек сидели на концах каждой перекрещенной руки. Их сопровождали Хасджелти, Хостджогон и два нааскидди, которые ходили по берегу, чтобы отогнать бревна от берега. Хасджелти нес с собой беличью шкурку, набитую табаком, которым он должен был снабдить богов в их путешествии. Хостджогон нес посох, украшенный перьями орла и индейки, и игровое кольцо с двумя колибри, привязанное к нему белым хлопчатобумажным шнуром. Двое нааскидди несли посохи из молний.⁷ Проплыв большое расстояние вниз по реке, они добрались до вод, где берег был только с одной стороны, и высадились. Здесь они нашли людей, похожих на них самих. Эти люди, узнав о желании певчего охотника, подарили ему много песен, нарисовали картинки на хлопчатобумажном одеяле и сказали: "Эти картинки должны сопровождать песни. Если мы отдадим вам это одеяло, вы его потеряете. Мы дадим вам белую землю и черные угли, которые вы измельчите вместе, чтобы получить черную краску, и мы дадим вам белый песок, желтый песок и красный песок, а

для синей краски вы возьмете белый песок и черные угли с очень небольшим количеством красного и желтого песка. Все это вместе придаст вам синий цвет.⁸"

Певчий охотник оставался с этими людьми до тех пор, пока не созрела кукуруза. Там он научился есть кукурузу и принес немного с собой навахо, которые раньше кукурузы не видели, и он научил их выращивать ее и есть.

Поскольку бревна не плыли вверх по течению, певчий охотник был перенесен четырьмя солнечными лучами, по одному прикрепленному к каждому концу поперечных бревен, в самшитовый каньон, откуда он появился. Вернувшись, он разделил бревна, вставив один конец цельного бревна в полый конец другого, и воткнул этот большой шест в реку, где и по сей день его могут увидеть те, кто решится посетить это место.

Жрец старой песни, который рассказал мне этот миф, сожалел, что так мало его соплеменников сейчас посещают священное место.

"Когда я был молод, - сказал он, - многие ходили туда молиться и делать подношения".

НАИЕНЕСГОНИ И ТОБАИДИЩИННИ.

Этот мир был разрушен пять раз. В первый раз ураганом; во второй - огромными градинами; в третий - оспой, когда каждая пустула покрывала целую щеку; в четвертый раз все было уничтожено кашлем; в пятый раз Найенесгони и Тобайдисчинни прошли по земле, убивая всех врагов.

Эти два мальчика родились в Тохаткле (где воды сливаются), недалеко от горы Ют, в штате Юта; они были детьми Асоннутли. Асоннутли и Йолайкайасон (женщина в белом панцире) были создателями раковин. У Асоннутли под правой рукой была борода, а у Йолайкайасон под левой рукой был маленький комочек плоти, из которого они делали все раковины. Глаза Найенесгони и Тобайдисчинни были ракушками, которые Асоннутли прикрепил к их лицам; ракушки сразу же стали блестящими, и мальчики могли смотреть на все предметы и видеть на любое расстояние без усталости глаз. Палочка черного цвета была приставлена ко лбу Найенесгони, а палочка синего цвета - ко лбу Тобайдисчинни. Когда Найенесгони покачал головой, палочка оставалась твердой на лбу, но он почувствовал что-то на ладони, что оказалось тремя видами семян, и он сказал: "Мы должны использовать это". Когда Тобаидишинни покачал головой, палка упала со лба, и они долго думали и сказали: "Мы должны использовать это". Вот почему олень сбрасывает рога. В церемониях дыхание вытягивают палочками, которые сделаны для обозначения оригиналов; палочки также прикладывают к ранам в качестве лечебного средства.

Эти два мальчика выросли из младенчества в мужчину за четыре дня, и на четвертый день они сделали луки и стрелы; на пятый день они начали ими пользоваться. Хотя они были детьми Асоннутли, они не знали ее как свою мать, но предполагали, что она их тетя. Часто они спрашивали у нее, где они могут найти своего отца. Она всегда говорила им, чтобы они прекратили свои расспросы, потому что у них не было отца. Наконец они сказали ей: "Мы знаем, что у нас есть отец, и мы намерены пойти и поискать его". Она снова отрицала, что у них был

отец, но они были полны решимости и отправились далеко на восток и пришли в дом солнца. Дом был из белой скорлупы, и жена солнца (Йолайкайасон) тоже была из белой скорлупы. Жена спросила юношей, откуда они, и сказала: "Что вам здесь нужно?" Они ответили: "Мы пришли поохотиться на нашего отца". Когда солнце вечером вернулось в свой дом, он обнаружил юношей, как только вошел в свой дом, и спросил: "Откуда эти два мальчика?" Жена ответила: "Ты говоришь, что никогда не делаешь ничего плохого, когда путешествуешь; эти два мальчика называют тебя отцом, и я знаю, что они твои дети". Жена была очень рассержена. Солнце отослало мальчиков подальше и набросило на них огромную гущу черных туч, намереваясь убить их, но они не пострадали и вернулись в дом. Затем он подтолкнул их к острому каменному ножу, но они проскользнули мимо, не поранившись. Четыре раза они натыкались на нож, но без травм. Солнце, увидев, что его попытки безуспешны, сказала: "Это так, вы мои сыновья". Затем солнце приказало Хасджелти и Тонеееннили (эти двое были особыми слугами солнца) построить парилку и поместить туда мальчиков, чтобы они могли умереть от жары. Тонеееннили сделал раскопки внутри парилки, посадил мальчиков в яму, прикрыл яму камнем и развел костер на камне. Когда камень стал очень горячим, солнце приказало Тонеееннили четыре раза сбрызнуть его водой, следя за тем, чтобы вход в парилку был плотно прикрыт. Через некоторое время он открыл вход и, убрав камень, солнце приказало мальчикам выходить. Он не ожидал, что ему подчинятся, так как думал и надеялся, что мальчики мертвы, но они вышли невредимыми. Тогда солнце сказала: "Вы действительно мои собственные дети; я тщетно пытался уничтожить вас". Мальчики хотели вернуться к женщине, которую они считали своей тетей. Перед уходом солнце спросило их, чего бы они хотели; они сказали: "Нам нужны луки и стрелы, ножи и хорошие гетры. По всему миру люди едят наших людей (навахо). Некоторые из этих людей - великие великаны, а некоторые - маленькие, как мухи; мы хотим убить их молнией". Солнце дало юношам неувязимую одежду, и он дал им молнию, с помощью которой можно было уничтожать всех врагов, и большой каменный нож. Затем они обошли весь мир. Найенесгони убил стрелами-молниями, а Тобайдисчинни снял скальп своим ножом. После того, как все враги были уничтожены, Найенесгони и Тобайдисчинни сказали навахо: "Теперь мы оставим вас и вернемся в наш дом в горах Юте, где смешиваются воды, но прежде чем покинуть вас, мы прочитаем вам десять песен и молитв, которые принесут здоровье и удачу вашему народу. Тобаидишинни - прародитель всех вод".

БРАТЬЯ.

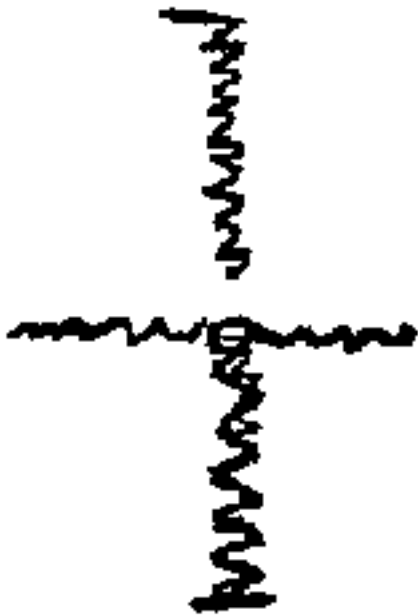
Толчини (клан навахо) жили на горе Ветра. Один из братьев сошел с ума и отправился в далекий путь, а по возвращении привез с собой сосновую ветку; во второй раз он вернулся с кукурузой, и из каждого путешествия он привозил что-то новое, и ему было что рассказать об этом. Его братья не поверили ему и сказали: "Он сумасшедший; он не знает, о чем говорит". Братья, однако, стали очень ревновать его и постоянно дразнили, называя сумасшедшим лжецом. Толчини покинули гору Ветра и отправились к скалистому подножию к востоку от горы Сан-Матео. У них не было ничего съестного, кроме какой-то сорной травы. Старший брат сказал: "Пойдем поохотимся", - и велел сумасшедшему брату не покидать лагерь. Но после пяти дней и ночей, когда от братьев не поступило ни слова, он решил последовать за ними и помочь им, принести домой дичь; он думал, что они убили больше оленей, чем могли унести. Последняя пути он разбил лагерь недалеко от каньона, выбрав похожее на пещеру место для сна, так как устал и хотел пить. Снега было много, но воды не было, поэтому он развел костер, нагрел камень и

проделал в земле ямку, а затем, поместив камень в углубление, положил туда немного снега, который растаял и дал ему возможность утолить жажду. Как раз в этот момент он услышал шум над своей головой, как будто мимо проходили люди, и он вышел посмотреть, кто издавал шум, и обнаружил множество ворон, летающих взад и вперед над каньоном. Это был дом вороны. Были и другие пернатые люди (среди них был чапаральный петух). Он также увидел множество костров, разведенных воронами по обе стороны каньона. Прилетели две другие вороны и встали рядом с ним, и он внимательно прислушался, чтобы расслышать все, что говорилось. Эти две вороны закричали: "Кто-то говорит, кто-то говорит". Юноша не знал, что и думать об этом. Затем ворона с противоположной стороны каньона крикнула: "В чем дело; скажи нам, скажи нам; что случилось?" Затем двое первых глашатаев сказали: "Двое из нас были убиты; мы встретили двух мужчин, которые рассказали нам об этом. Они сказали, что двое мужчин, которые все время путешествовали (имеются в виду два брата сумасшедшего юноши), убили двенадцать оленей, и группа наших людей отправилась к оленям после того, как они были убиты. Двое из нас, которые отправились за кровью оленя, были застрелены". Вороны на другой стороне каньона спросили: "Кого убили?" Первый глашатай ответил: "Чапаральный петух, который сидел на роге оленя, и ворона, которая сидела у него на хребте". Другой крикнул: "Мы не удивлены, что они были убиты; это то, что мы говорим вам все время. Если вы пойдете за мертвым оленем, вы должны ожидать, что вас убьют". "Мы не будем больше думать о них; они мертвы и ушли. Мы говорим о вещах давнего прошлого". Младший брат тихо сидел внизу и слушал все, что говорилось.

Через некоторое время вороны на другой стороне каньона подняли громкий шум и начали танцевать. В то время у них было много песен. Юноша не мог видеть, что они делали, но все время прислушивался. После начала танца разожгли большой костер, и тогда он увидел движущиеся черные предметы, но не смог различить ни одного человека. Он узнал голос Хасджелти. Хотя юноша был сумасшедшим, он помнил все в своем сердце. Он даже помнил слова песен, которые звучали всю ночь; он помнил каждое слово в каждой песне. Он сказал себе: "Я буду слушать до рассвета". Эти люди не остались на одной стороне каньона, где были разведены первые костры, но они пересекались в своем танце и разводили костры по обе стороны каньона. Они танцевали взад и вперед до рассвета (на девятую ночь праздника Хасджелти Дейлис был повторением этого танца), когда все вороны и другие птицы улетели на запад. Все, что он увидел после того, как они ушли, были огни и дым. Затем сумасшедший юноша побежал в лагерь своих братьев, чтобы рассказать о том, что он видел и слышал. Его братья встали рано и увидели приближающегося мальчика. Они сказали: "Держу пари, ему будет что рассказать. Он скажет, что видел то, чего никто никогда не видел, или кто-то набросился на него". И шурин, который был с ними, сказал: "Оставьте его в покое; когда он придет в лагерь, он расскажет нам все, и я верю, что такие вещи действительно случаются, потому что он не мог выдумывать их все время".

Лагерь был окружен зарослями пиньона, а в центре ограды горел большой костер; над огнем жарилось много мяса. Как только юноша добрался до лагеря, он поворошил угли и сказал: "Мне холодно". Шурин ответил: "Холодно. Когда люди разбивают лагерь вместе, они рассказывают друг другу истории по утрам; мы рассказали свою и теперь должны услышать вашу". Юноша рассказал о своих переживаниях прошлой ночью. Он сказал: "Там, где я остановился прошлой ночью, был худший лагерь, который у меня когда-либо был". Братья стояли спиной к юноше и делали вид, что не обращают никакого внимания, но шурин выслушал и расспросил его. Он продолжил: "Я никогда не слышал такого шума". Затем братья заметили: "Я думал, он скажет

что-нибудь в этом роде" (они завидовали этому сумасшедшему брату, он видел так много, что они не могли видеть). Шурин был склонен поверить рассказу юноши и спросил, что за люди производили шум. "Я не знаю. Они были странными людьми для меня, но я точно знаю, что они всю ночь танцевали взад-вперед по каньону, и я знаю, что мои братья убили двенадцать оленей, а потом убили двух их соплеменников, которые пришли за кровью оленя. Я слышал, как они говорили: "Это то, чего следует ожидать, если ты пойдешь в такие места, ты должен ожидать, что тебя убьют". Старший брат задумался и, не поворачиваясь к юноше, спросил: "Сколько оленей, ты сказал, было убито?" и он ответил: "двенадцать". Тогда старший брат сказал: "Что ж, сэр, вы рассказывали мне много историй, и я никогда не верил вам, но этой истории я верю. Что с тобой такое, что ты все это знаешь? Откуда ты все это знаешь и выясняешь?" Юноша ответил: "Я не знаю как, но все эти вещи приходят мне на ум и в глаза". Старший брат сказал: "Теперь я больше подумаю о тебе и изучу, как ты узнаешь все об этих вещах. У нас много мяса, и мы не знали, как донести его до дома; теперь, когда ты пришел, давай вернемся; ты понесешь мясо". На полпути домой они собирались спуститься с холма и, оказавшись на краю, присели отдохнуть; тогда они увидели далеко внизу четырех горных баранов, и братья приказали юноше убить для них одного. Они сказали: "Наше мясо сухое; твои ноги свежие, так что ты убьешь овцу". Юноше удалось отогнать овец, спрятавшись в кустарнике (*Bigelovia Douglasii*⁹), который иногда называют полынной кистью, но это не настоящая полынная кисть. Овцы шли прямо на него; он нацелил на них стрелу, но прежде чем он успел натянуть лук, его рука напряглась и омертвела, и овца прошла мимо. Все овцы прошли мимо него, но он снова отогнал их, спрятавшись в стеблях большой юкки.¹⁰ Овца прошла в пяти шагах от него, и снова, когда пришло время натягивать лук, его рука напряглась. Народ ворона все время наблюдал за ним. Он снова последовал за овцами, опередил их и спрятался за цветущей березой; он держал свой лук наготове, но когда овцы приблизились к нему, они превратились в богов. Первым был Хасджелти, вторым - Хостджогон, третьим - Нааскидди, четвертым - Хадатчиши. При этой странной метаморфозе юноша был сильно встревожен, он выронил лук и без чувств рухнул на землю. Хасджелти стоял с восточной стороны от юноши, Хостджогон - с южной, Нааскидди - с западной, а Хадатчиши - с северной. У каждого была погремушка, которой сопровождалась песни о выздоровлении молодежи. Они также начертили своей погремушкой на песке эту эмблему, означающую фигуру человека, и провели погремушкой параллельные линии у головы и ног. Когда это было сделано, юноша пришел в себя, и боги снова приняли облик овец. Они спросили юношу, почему он пытался застрелить их. "Ты видишь, ты один из нас", - сказали они. Юноша превратился в овцу. "Далеко на севере, за горой Уте, будут танцы; мы хотим, чтобы ты пошел с нами на танцы. Мы оденем тебя, как самих себя, и научим танцевать; тогда мы обойдем весь мир". Братья, наблюдавшие за происходящим с вершины холма, недоумевали, в чем может быть проблема. Они не могли видеть богов. Они увидели юношу, лежащего на земле, и сказали: "Мы должны пойти и посмотреть, в чем дело". Добравшись до места, они обнаружили, что их младший брат исчез. Они увидели, где он лежал и где люди трудились над ним. Они заплакали и сказали: "Долгое время мы ему не верили, а теперь он ушел с овцами". Они приложили много усилий, чтобы отогнать овец, но безуспешно, и плакали еще сильнее, говоря, возвращаясь на плато: "Наш брат сказал нам правду, и мы бы ему не поверили; если бы мы поверили ему, он не ушел бы с овцами; возможно, когда-нибудь мы его увидим".

На танцах овцы нашли еще семерых таких же, как они сами. Таким образом, их стало двенадцать. Семеро присоединились к остальным в их кругосветном путешествии. Все люди позволяют им видеть свои танцы и разучивать свои песни. Затем все присутствующие, за исключением юноши, поговорили вместе и сказали: "Нет смысла дольше держать его с нами (имея в виду юношу); он всему научился; с таким же успехом он может пойти сейчас и рассказать своему народу, и пусть они поступают так же, как мы". Юноше было велено, чтобы в танце участвовало двенадцать человек, шесть богов и шесть богинь, а Хасджелти вел их. Ему было велено, чтобы его люди сделали маски, чтобы представлять их. Не годилось, чтобы двенадцать нааскидди были представлены среди навахо, потому что они бы этому не поверили, и были бы проблемы. Они не могли выучить все свои песни. Юноша вернулся к своим братьям, унося с собой все песни, все лекарства и одежду.

СТАРИК И ЖЕНЩИНА ИЗ ПЕРВОГО МИРА.

В нижнем мире четыре бога были созданы Эцистином и Эциасуном. Эти боги были так раздражены муравьями, что сказали: "Давайте отправимся на все четыре стороны света". В каждой из сторон света был найден родник, и каждый бог завладел родником, который он ревностно охранял.

Эцистин и Эцезан завидовали, потому что у них не было воды, а она нужна была им для производства пищи. В конце концов старик добыл у каждого из богов немного воды и посадил ее, и из нее вырос источник, подобный тому, который был у богов. Из этого источника выросла кукуруза и другая растительность. Эцистин и Эцезан сидели по разные стороны источника лицом друг к другу, и пели, и молились, и разговаривали с кем-то о себе, и таким образом они зародили богослужение. Однажды старик увидел какой-то фрукт в середине весны. Он попытался дотянуться до него, но не смог, и попросил женщину-паука (члена его семьи) достать его для него. Она сплела паутину над водой и с ее помощью добыла плод, который оказался

большой белой скорлупой, размером почти с корзинку тусайя. На следующий день Эцистин обнаружил в источнике другой вид фруктов, который также принесла ему женщина-паук; этим фруктом был бирюзовый. На третий день он обнаружил еще один вид фруктов, который достала женщина-паук; это была раковина морского ушка. На четвертый день была добыта бусина из черного камня, которая также была приобретена.

После восхождения в верхний мир Эцистин посетил четыре угла, чтобы посмотреть, что он сможет найти. (Они принесли с собой всего понемногу из нижнего мира). С востока он привез орлиные перья; с юга - перья сойки-блюджей; на западе он нашел перья ястреба, а на севере - перья пестрой ночной птицы (козодоя). Эцистин и Эцезан отнесли их к источнику, расположив по сторонам света. Орлиные перья были положены на восток, а рядом с ними белая кукуруза и белая раковина; голубые перья были положены на юг с голубой кукурузой и бирюзой; перья ястреба были положены на запад с желтой кукурузой и раковиной морского ушка; а на север были положены перья козодоя с черными бусинами и кукурузой всех цветов радуги. Старик и женщина пели и молились так же, как они делали это у источника в нижнем мире. Они помолились востоку, и был создан белый волк; югу, и появилась выдра; западу, и появился горный лев; и северу, бобру. Эцистин сделал этих животных правителями нескольких точек, из которых они пришли.

Когда белизна дневного света встретилась с желтизной заката в середине небес, они обнялись, и от белого родился койот, от желтого - желтая лисица. Голубой с юга и черный с севера подобным же образом встретились, породив голубую лисицу, а северный - барсука.

Голубые и желтые лисы были отданы пуэбло; койот и барсук остались у навахо; но Великий Волк правит ими всеми. Великий Волк был вождем, который выступал за разделение полов.

Сноски

1. В украшении тел помогали несколько человек, но олицетворяющие богов выполняли большую часть работы самостоятельно и казались довольно привередливыми. Пальцы макали в краску и растирали по телу.
2. Олицетворяющие богов должны соблюдать воздержание до тех пор, пока с их тел не будет удалена вся краска.
3. Мыльную пену пересек и окружил пылью, чтобы придать ей дополнительную силу для восстановления здоровья инвалида.
4. Я заметил, что священник парилки ни разу не сел рядом со священником-певцом и его слугами.

5.

Эту пищу сушат и превращают в порошок, который теург использует как лекарство.

6.

Старый священник, рассказывающий этот миф, достал мешочек с кукурузной пылью и кристалл, обмакнул их в пыльцу и сказал: "Теперь мы все должны съесть эту пыльцу и положить немного себе на головы, потому что нам предстоит поговорить об этом".

7.

Нааскидди - горбуны; на спинах у них облака, в которых хранятся семена всех растений.

8.

Индейцы навахо не используют настоящий синий цвет при рисовании песком, но строго придерживаются указаний богов. Однако они используют немного киновари, когда ее можно достать, чтобы придать мешочкам красную окраску.

9.

Из *Bigelovia Douglasii* делают кольца и используют в церемониальных ежедневных хасджелти, имеющих прямое отношение к этому событию.

10.

Церемониальные кольца также изготавливаются из испанского штыка (юкки).
